

АЛАН
ЧАРОВИТ

12+

ВЕДЬМА ДИВНОЗЁРЬЯ

Дивнозёрье

Алан Чароит

Ведьма Дивнозёрья

«Автор»

2019

Чароит А.

Ведьма Дивнозёрья / А. Чароит — «Автор»,
2019 — (Дивнозёрье)

В деревне Дивнозёрье бок о бок с людьми живут лешие, русалки, кикиморы и другие таинственные существа из русских народных сказок. Волею судьбы простая шестнадцатилетняя девушка Тайка становится ведьмой-хранительницей этого заповедного края. Её волшебные друзья — коловерща (наполовину сова, наполовину кот) по кличке Пушок и суровый обстоятельный домовый Никифор — помогают ей распутывать загадки Дивнозёрья и противостоять козням недружелюбной нечисти.

© Чароит А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава первая. Тайкины тайны	5
Глава вторая. Мечтать не вредно!	12
Глава третья. Ты ж ведьма!	19
Глава четвертая. Папоротников цвет	26
Глава пятая. Не верящая в чудеса	32
Глава шестая. Ни человек, ни птица	39
Глава седьмая. Хозяин волшебства	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Алан Чароит

Ведьма Дивнозёрья

Глава первая. Тайкины тайны

Тайкину бабушку за глаза называли ведьмой. А в лицо, конечно, Таисьей Семеновной. Здоровались, улыбались, приносили гостинцы, но, выходя за калитку, все равно трижды сплевывали через левое плечо. Ведь если ведьма беду отводить умеет, значит, и удачу может отводить.

Тайка сперва обижалась и ябедничала. Мол, ты что, ба, не видишь, как люди плюются и фигу в кармане прячут? Не надо им помогать!

Но та гладила внучку по густым черным волосам (пф, будто маленькую! А ведь Тайке зимой уже шестнадцать стукнуло), и качала головой:

– Если не мы, то кто? У нас в Дивнозёрье места заповедные, но опасные. Неровен час попадёт кто в беду – ну не бросать же? А люди вовсе не злые, просто страшно им.

Тайка вздыхала, но не спорила. Она и сама знала: слишком уж близко сошлись в их деревне мир потусторонний и проявленный. В озерах по ночам плескались мавки-хохотушки; молодой, а потому еще шальной леший дурачился в лесу (особенно любил превращаться в выпь и пугать дачников); кикиморы воровали из сада спелые яблоки, расшалившиеся домовые по ночам путали детям волосы, а у деда Федора каждую весну в подвале откапывался упырь.

К счастью, от любой напасти у бабки Таисьи находились оберег, колдовская водица и верное слово.

– Если я перестану помогать, представь, что будет с Дивнозёрьем?

И Тайка, содрогаясь, представляла: ничегошеньки не останется от заповедных мест. Уйдут люди, опустеют дома, сады зарастут крапивой, зеленая ряска затянет гладь озер, заболотится лес... Потому что жить бок о бок с нечистью – это вам не шутки. Тут правила знать надо!

Ближайший вяз с дуплом, ведущим в иные земли, находился недалеко от Тайкиного дома: прямо за гаражами, у оврага. Простые жители деревни хоть не могли видеть нечисть, но что-то да чуяли – обходили стороной это место и запрещали детям играть у гаражей. Но те все равно играли. Тайка сама там все детство провела с друзьями.

Со свечой и зеркалом они вызывали фею, чтобы та исполнила три желания (маленькая негодяйка ни разу не явилась, но в кустах постоянно кто-то хихикал); искали следы оборотня (и нашли!); ставили ловушку на коловершу (рыжее существо, похожее на помесь совы с кошкой, откупилось от детей леденцами, а Тайке потом влетело от бабушки, мол, зачем напугали Пушки, у него и так от нервов перья из хвоста лезут); в сумерках с визгом прятались от бабая – страшного кривобокого старика с суковатой палкой... иногда, впрочем, это был не бабай, а дед Федор – тот самый, что приглянулся упырю.

Родители беспокоились зря: нечисть, водившаяся в Дивнозёрье, была не опаснее машин, несущихся по трассе, или незнакомца, предлагающего конфетку. Будешь думать головой, и ничего плохого с тобой не случится, – так считала Тайка. Взрослые же просто забыли, как сами в детстве бегали к вязовому дуплу, мечтая хоть одним глазком заглянуть в чудесный край. А ход, между прочим, вел оттуда, а не туда. Так что никому из живущих в Дивнозёрье увидеть иные земли не удалось.

Кроме Тайкиной бабушки. Она мечтательно улыбалась всякий раз, вспоминая тот случай:

– В твоих годках я как раз была. Тогда-то и начали к нам заходить дивьи люди. Ох, и переполох поднялся. Говорят, аж до самой столицы слух дошел. Приезжали и репортеры, и

ученые какие-то, и даже эти... которые инопланетян ищут. Потом шумиха улеглась, а дивьи люди остались. Многие их видали, да немногие сумели запомнить встречу.

– А как же нечисть? И духи лесные да водные? Они тоже с той стороны вязового дупла пришли?

– Может, да, а, может, и всегда тут были. Да и не важно это, Таюш. Главное, что живём мы все вместе, делим лес, поле, дома. Будешь к соседкам уважительно относиться – и тебе отплатят добром за добро.

– А расскажи про дивьего мальчика, ба, – Тайка не раз слышала, как однажды на пустыре у оврага, где еще не было никаких гаражей, ее бабушка повстречала гостя с той стороны (Вообще, это скорее был дивий юноша, но Тайке было привычнее называть его мальчиком. Ну а что? Не девочкой же!)

Ей сложно было представить, как выглядела бабушка в молодости, поэтому Тайка часто воображала на ее месте себя: не зря же они тезки. И все говорили: похожи как две капли воды. Только у бабушки веснушек не было, а так – одно лицо.

Увидеть мальчика из дивьего народа Тайка тоже была бы не прочь! Как и послушать еще раз бабушкин рассказ...

* * *

Парнишка едва доставал ей до плеча. Смешной: курносый, веснушчатый, в красной вышитой рубаше и с острыми ушами, торчащими из-под шапки. По виду – Тайкин ровесник, но кто знает этих дивьих? Может, это только на вид ему лет шестнадцать, а на самом деле шесть сотен?

Сжав зубы, он обрывал лозы дикого винограда, обвившие одинокий вяз, и, кажется, чуть не плакал. Ладони были содраны в кровь.

– Ты что, потерялся? – Тайка подошла ближе.

– Нет, конечно! – Парнишка выпустил лозу, шмыгнул носом и потёр совсем свежую шишку на лбу. – Я ищу вязовое дупло. Ты, случайно, не видела?

– Ну-у, – она осторожно заглянула ему за спину, чтобы убедиться, что у парнишки нет хвоста (мало ли, вдруг бесенок?); хвоста, к счастью, не было. – Оно там, дальше. На другом дереве. Но маленькое совсем. Кикимора, может, и пролезет, а ты – точно нет. Показать?

– Ох, – парнишка уселся прямо на землю, скрестив ноги, и замотал головой, – меня мать заругает...

– За что? – Тайка присела рядом на корточки.

– Да я ушел без спросу и никому не сказал. Поколдовал немного, ход открылся, я и впрыгнул. Как же это все не вовремя... Но кто же знал, что у вас тут нормального вязового дупла нет? Как вы вообще ходите?

– Э-э-э... Ногами.

– Скукота!

– А вот и нет, – надула губы Тайка. – Знаешь, сколько у нас всего интересного?! Можно пойти в лес за орехами. Или искупаться. Или развести костер и испечь картошку. А Федька нам на гитаре сыграет, если попросим. Про желтую подлодку.

Глаза у дивьего гостя загорелись.

– Ух ты! Но мне ж никто не поверит... если только... А подаришь мне что-нибудь на память?

Тайка достала из кармана медный пятак, дыхнула на него и протерла рукавом.

– Вот, держи. Счастливый! Я с ним алгебру на пять написала.

– Что-что написала?

– Ну, алгебру. Это о-о-очень сложная наука.

– Зачем же ты тогда такую важную вещь мне отдаешь?
– Не беспокойся, у меня второй есть. Точно такой же. Кстати, я Таисья, – она протянула руку. – Но ты можешь звать меня Тайка, если хочешь.
– Радосвет. – Он осторожно коснулся пальцами ее ладони.
– Странное у тебя имя! Никогда такого раньше не встречала. И уши забавные – острые! Ладно, идем... – Тайка схватила его руку и потащила за собой – прочь от пустыря.
Соседский Федька, конечно, увидел их в окно и увязался следом. Ещё бы! На дивных людей всем посмотреть охота.

* * *

Они провели вместе целый день у излучины Жуть-реки. Купались, загорали, ломали орехи и ягоды, кидали дворовому Шарику палку, жарили на палочках хлеб и до самой темноты горланили песни. Радосвет сперва стеснялся, потом осмелел и принялся подпевать всё громче. Голос у него оказался не сильный, но приятный, будто бархатный.

С ним было так легко и весело, что Тайке казалось, будто они всю жизнь знакомы. Их мнения не совпали лишь единожды, когда Тайка принялась нахваливать зиму в Дивнозёрье и звать Радосвета в гости на Новый год, а тот, вдруг побледнев, буркнул:

– Ненавижу зиму.

Ни о коньках, ни о снежках даже слушать не стал. Что ж, о вкусах не спорят...

Ближе к полуночи Федька ушел, забрав гитару и Шарика, и они остались вдвоём.

Теперь Радосвет смотрел на Тайку с таким неприкрытым обожанием, что её щеки волея-неволей краснели, и это было заметно даже при неярком лунном свете.

– Чего ты пялишься? – не выдержала она.

– Ой, прости, я залюбовался, – потупился Радосвет. – Больше не буду.

– Да ладно уж, любуйся на здоровье.

Не признаётся же, что на неё никто и никогда так не смотрел. Даже Федька. Хотя уж их вся деревня дразнила: «тили-тили-тесто».

Чтобы сгладить неловкость, Тайка улыбнулась:

– А расскажи что-нибудь о себе. Где живёшь? Чем занимаешься? Что любишь?

– Чем занимаюсь? Да так, ничем особенным... – он отвечал нехотя, будто выдавливая слова. Так чаще всего говорят те, кому есть, что скрывать. – А живу знамо где: во дворце.

– Ха, ты царь, что ли? – Тайка недоверчиво усмехнулась и Радосвета это, похоже, задело.

– Нет, царевич я.

– Серьезно? Не врешь?

– А что, не похож? – Радосвет вздохнул. – Вот и отец так говорит. Мол, ростом не вышел. И лицо всё веснушчатое, словно мухами засиженное. Вид, стало быть, не благородный.

– Да ты что! – Тайка всплеснула руками. – Очень симпатичные у тебя веснушки. Мне нравятся.

– Правда? – он осторожно накрыл её ладонь своей. – Знаешь, я ещё там под вязом хотел сказать... ты очень красивая.

– Вот теперь точно привираешь.

– Дивьи люди не врут. А царский род – тем паче. Мы ведь побратимы белых волков. Верней, чем волки, никого на свете нет, ты знала? Они никогда не дают в обиду слабых. Если сражаются, то до конца. А если влюбляются, то раз и навсегда...

Это было почти признание. По крайней мере, Тайке хотелось так думать. Но спросить прямо она, конечно, не решилась. А вдруг показалось? Может, все это вообще сон, а на самом деле нет никакого царевича Радосвета, кудрявого и ясноглазого. Такие ведь только на страницах сказок встречаются. Тех, что с картинками.

Некоторое время они сидели молча и, задрав головы вверх, смотрели на звёзды. И Тайке хотелось, чтобы эта ночь никогда не заканчивалась. Сон так сон. Главное – подольше не просыпаться.

Она ничуть не удивилась, когда Радосвет привлек ее ближе. Сперва коснулся губами виска – там, где из косы вечно выбивалась тонкая прядка, потом, осмелев, взял за подбородок и развернул лицом к себе.

– Мне кажется, я знал тебя всегда... – шепнул он прежде, чем коснуться губами ее губ.

Голова пошла кругом, и Тайка прикрыла глаза. Она знала, что никогда не забудет свой первый в жизни поцелуй и своего царевича. Ей вдруг представилось, будто кто-то взял нити их судеб и стянул в крепкий тугой узел – даже если захочешь, не разорвешь. Но ведь в сказке все именно так и должно быть, правда?

* * *

– Эй, а пятак твой и впрямь счастливый. – Тихий шепот разбудил задремавшую Тайку уже на рассвете. – Я нашел вязовое дупло тут неподалеку!

– Значит, уходишь?

Ее голос дрогнул от обиды. Вот и все, кончилась сказка.

– А хочешь, пойдем со мной? – Глаза Радосвета вспыхнули изумрудным огнем в пред-рассветных сумерках. И впрямь, будто волчьи.

– Вот просто возьмем и пойдем?

– Ага! Станешь моей невестой?

Сердце забилося так часто, что Тайке пришлось приложить руку к груди.

– Л-ладно... То есть, да! Я согласна. А как я потом попаду обратно домой?

Порыв ветра сбросил к ее ногам пару сосновых шишек. Где-то вдалеке прокричала выпь (или опять леший?). А Радосвет пожал плечами:

– Как-нибудь. Или никак. Я пока и сам не знаю, смогу ли вернуться из вашего чудесного края. Но главное – надеяться и верить. Тогда всё получится.

– погоди! – Тайка вытаращилась на него. – Что значит «нашего»? Это ты живешь в чудесном краю, а наша деревня самая обычная.

Дивий царевич рассмеялся:

– У нас говорят наоборот. Думаешь, зачем наши так к вам и лезут? За чудесами! Другие звезды над головой. Незнакомые песни. Картошка опять же. И эти... странные рогатые животные, которые дают молоко.

– Ты любишь молоко?

– Очень, – он крепко сжал в ладони медный пятак и поклонился. – Благодарю тебя, Тайся, за то, что показала мне настоящее волшебство.

Сперва Тайка думала, что Радосвет шутит, но взгляд нечеловеческих глаз был серьезным. И она решилась:

– Была-не была, я иду с тобой. Показывай, где тут дупло?

А что такого? Ей тоже хотелось настоящего волшебства. И счастья с тем, к кому тянулось ее сердце.

Жаль только, что этим мечтам не суждено было сбыться...

Дупло оказалось узким. Радосвет с трудом протиснулся и пропал в темноте. А когда Тайка сунулась следом...

Это только говорят, мол, голова пройдет – и все остальное тоже пролезет. Твердая кора до крови царапала плечи, но дальше не пускала. Перед глазами колыхался густой туман.

– Ничего не получается! – крикнула Тайка в пустоту.

Ей показалось, что кто-то ответил, но голос был таким далеким, что слов не разберешь.

Зато мгла немного рассеялась.

Сквозь распахнутые настежь резные врата Тайка разглядела дорогу, вымощенную перламутровыми камешками, и белоснежные стволы деревьев с хрустальными листьями, в которых отражались лучи солнца. На ветвях среди золотых яблок пели незнакомые птицы, листва мелодично звенела от легкого ветерка, в воздухе сладко пахло сказочными цветами. Вдалеке на холме виднелся белокаменный дворец с зеркальной черепицей, на башенках развевались алые флаги...

Порыв ветра ударил в грудь. Миг – и все померкло.

Очнулась Тайка на земле под вязом, сжимая в руке душистое золотое яблоко. Красивое: ни бочка, ни червоточины.

За прошедшие годы оно не сгнило, не высохло и до сих пор хранилось у Таисьи Семеновны в серванте. Твердое: зубы обломаешь. Зато пахло совсем как настоящее.

* * *

– И вы никогда больше не виделись?

– Виделись, внученька. Во снах.

– Ну-у, это не считается... – разочарованно протянула Тайка-младшая, качаясь на табурете.

А бабушка рассмеялась звонко-звонко, совсем как молодая.

– Еще как считается! Это ведь он научил меня всему, за что ведьмой прозвали. Как защититься от злых чар, как уважить добрую нечисть и отвадить злую, какие травы от хвори помогают, как зазвать в гости дождь... А я рассказывала ему про наши обычаи. Поэтому в Дивнозёрье люди с дивным народом могут бок о бок жить. Мы их уважаем, а они – нас.

– Вот это да! – Тайка придвинулась ближе вместе с табуретом; глаза ее сияли. – А почему он сам больше не приходит?

– Нельзя ему, – бабушка вздохнула. – Он теперь царь дивьего народа, привязан к своей земле крепко-накрепко. Такова уж его доля...

– А меня научишь колдовству?

Тайка никогда не просила об этом и теперь затаила дыхание, ожидая ответа. Ей с детства хотелось быть ведьмой, как бабушка. Конечно, она не раз помогала собирать и толочь травы, ходила разбрасывать соль у околицы, оставляла дары духам лесным и водным, каждый год зазывала песнями весенние ветра, а однажды даже помогла домовому Никифору, застрявшему в погребке между двумя кадушками. Но это было все не то...

– Какому колдовству? Ты все уже знаешь. А чего не знаешь, то сердце подскажет: в тебе ведь тоже есть дивья кровь. Мама твоя – наша с Радосветом дочь. А ты, стало быть, царская внучка, – бабушка шаркающими шагами подошла к серванту и достала золотое яблоко. – Мне пора... Это они сюда запросто ходить могут, а чтобы мы к ним – раз в полвека дверца открывается. Если не сегодня, то никогда.

В другой день Тайка восхитилась бы – дивья кровь, ну надо же! Но сейчас было не до того. Она вскочила, уронив табурет, бросилась к бабушке, обняла ее крепко-крепко.

– Ты что удумала, ба? Не пушу! Мамке с папкой до меня дела нет, теперь еще и ты бросаешь?

– Дед Федор за тобой присмотрит. И Пушок.

Невесть откуда взявшийся коловёрша спланировал Тайке на плечо, крепко вцепился в ткань платья совиными лапами и курлыкнул.

– А как же Дивнозёрье? Тут без тебя такое начнется!

– Оно твое, – бабушка с хрустом надкусила золотое яблоко. – Теперь ты ведьма, как и хотела. Храни и защищай.

Тайка сглотнула и заревела в голос, размазывая по лицу слезы. Казалось бы, радоваться надо: сбылась заветная мечта, – но на душе было горько.

А коловерща, урча, щекотал усами ее щеку, и от этого клонило в сон...

* * *

Наутро Тайка проснулась от топота и вздохов домового. Похоже, тот намекал, что в мисочке закончилось молоко.

– Ба! Никифор кушать хочет!

Никто не отозвался.

Тайка спустила ноги на пол и поежилась от утреннего холода. И тут ее взгляд упал на старый медный пятак, лежащий на прикроватной тумбочке...

Монета оказалась неожиданно теплой. И с дырочкой – будто бы ее носили на шнурке.

– Ба?! – позвала она уже настойчивее.

Опять тишина. Может, в курятник пошла?

Бабушки не оказалось нигде. Хуже всего, что свои же, деревенские, вообще о ней не помнили. Будто и не было никакой Таисии Семеновны...

Когда пришел дед Федор, Тайка третий час мыла уже чистую посуду и ревела.

– Ты эта... расспросы-то прекращай, – старик отставил в сторону свою палочку и шагнул в сени. – Только нам с тобой о Таисье помнить дозволено. Видать, такова была ее воля. Я и пацана этого остроухого помню. Как картошку вместе лопали да под гитару пели...

Тайка шмыгнула носом:

– Деда, но мне шестнадцать всего. А я теперь вроде как за все тут в ответе. Что будем делать, если мамка меня в город заберет?

– Не бойсь, не заберет, – старик потрепал ее по макушке. – Дивнозёрье тебя не отпустит, так и знай.

Он, кряхтя, опустился на завалинку и достал трубку.

– Давеча приходила ко мне бабка-то твоя. Попрощаться. Счастливая, глаза горят... Еще вчера под семьдесят ей было, а тут гляжу – снова девица. Будто молодильное яблочко слопала: похорошела, расцвела. Всю жизнь ведь прождала своего дивьего кавалера. И, вишь, дождалась. А мы дураки были. Смеялись над ней. Дразнили дивьей невестой. Ведьмой-то ее уже после прозвали...

– Теперь и меня будут дразнить... – Тайка поежилась. – Ну и пусть! Переживу. Не впервой.

– А не проклянешь обидчиков? – Дед Федор усмехнулся в усы, выдыхая дым.

Тайка замотала головой:

– Не-а. Люди же не со зла. Просто страшно им... Деда, а у тебя веревочки тоненькой не найдется?

– У меня в хозяйстве все найдется, – старик покопался в кармане и достал кожаный шнурок. – Держи вот.

Прищурившись, он одобрительно крякнул, когда Тайка повесила на шею пятак – бабкино наследство.

– Вижу, в хороших руках Семеновна Дивнозёрье оставила, – не выпуская из зубов трубки, старик потянулся за палкой. – Ну, бывай. Ежели чего, зови, подсоблю, чем сумею. И эта... про упыря не забудь. Ух, и достал, гад!

Тайка проводила деда до калитки. Тот, выйдя, огляделся и, думая, что его никто не видит, трижды сплюнул через левое плечо.

Впору было снова разреваться от обиды (вот уж от кого не ожидала!), но тут из-под крыльца вылез домовый Никифор в праздничной косоворотке. Он отряхнул колени, поправил картуз, подбоченился и густым басом пророкотал:

– Не кручинься, хозяйюшка. Идем-ка лучше к столу. Я тебя с нашими познакомлю. Нынче все пришли, все.

Глава вторая. Мечтать не вредно!

Дед Федор окрестил Тайку маленькой ведьмой, а прочие вмиг подхватили. Ну а какая же еще: тощая, чернявая, глаза как вишни. Вот бабка Таисья – то старшая ведьма была. Но бабушка еще в начале весны ушла в дивье царство, оставив все хозяйство на Тайку. А хозяйства того было немало: почитай, все Дивнозёрье.

Поначалу у нее все валилось из рук. Тайка даже думала, не сглазил ли ее кто-нибудь? Но время шло, и к началу мая жизнь вошла в привычную колею. Только теперь в ней стало чуточку больше волшебства.

Когда Тайка была маленькая, то думала, что чудеса – это все в порядке вещей. А что, разве других девочек домовые не баюкают? Коловерши песенки не мурлычут? Огоньки-дремушки не приходят насылать добрые сны?

Когда она впервые рассказала об этом другим детям – еще в начальной школе – ее подняли на смех. Дразнить стали Ведьминой внучкой. Попробовали было дергать за косы и ставить подножки, но Тайка долго терпеть не стала – огрела самого главного задиру по спине лыжной палкой, и больше ее не трогали, но и дружить не хотели. Так она и осталась для всех «странненькой». И к ней такие же странненькие тянулись. Те, с кем никто не водился.

Но Тайка не унывала: у нее ведь были волшебные друзья. Тот же Никифор – хоть и ворчун, а в душе – добряк, каких мало. И птички-веснички. И Пушок – домашний бабушкин коловерша. Тело и морда у него были кошачьими, а лапы, крылья и хвост – совиными. Красивый – в цветах осенних листьев. Но очень наглый и прожорливый. Оказалось, что Тайка единственная в деревне могла видеть волшебных соседусшек, даже когда те прятались от людских глаз. А всему виной, как выяснилось, была дивья кровь.

Эту новость Тайка обдумывала долго. Даже в зеркале себя придирчиво изучала: а ну как найдутся какие-то иномирные черты. Ну, может, уши хоть чуточку острее, чем у людей? Но, увы, ничего нового она в себе не обнаружила. И, признаться, на дивьих людей была совсем не похожа. Бабушка говорила, что у тех волосы светлые, а глаза ясные – синие, как васильки, или зеленые, как молодая майская листва. Ещё и рост богатырский, косая сажень в плечах. В общем, совсем не то. Так что Тайка повздыхала украдкой да и махнула рукой. Много будешь думать – голова заболит. А дела сами себя не сделают!

Забот в Дивнозёрье хватало, но ей пока везло: минул месяц, как ушла бабка Таисья, а ничего серьезного в деревне пока не случилось. Только леший Гриня (еще молодой да глупый) вместо того, чтобы пугать туристов, накушался с ними самогону и спьяну уронил на дорогу аж четыре сосны. Да у деда Федора в погребке опять откопался упырь, но, почуяв крепкий чесночный дух (Тайка загодя позаботилась), закатил глаза, истерично пожаловался на мигрень и закопался обратно. С такими мелочами юная ведьма справлялась легко.

Никифор сперва ходил за Тайкой хвостом и ворчал, не переставая: по его мнению, новая хозяйка все делала не так. Но потом и он привык. Не привыкла только сама Тайка.

То и дело, забывшись, окликала:

– Послушай, ба!..

Но никто не отзывался, и Тайка до боли закусывала губу, чтобы не зареветь. Ей ведь нельзя. Ведьмы не плачут. Даже маленькие.

Но в целом все было ничего, пока не приехал Шурик.

Шурик был дачником и жил в Дивнозёрье только летом. А в последние годы так и вообще не появлялся. Зато в детстве они с Тайкой излазили все деревья в округе, кормили белок и лесных птиц, оставляли на пне каменную соль для лосей, ставили в овраге ловушку на оборотня (не поймали, конечно, но следы видели), ходили с Васькой-конюхом в ночное (ох, им потом и влетело за то, что ушли без спросу).

В те времена Тайкин друг был щуплым белобрысым мальчишкой с веснушчатым и вечно красным от солнца лицом. Нынче же он раздался в плечах, стал выше Тайки на целую голову, нацепил круглые солнцезащитные очки и даже зачем-то отрастил усы, но Тайка все равно его узнала.

– Шури-и-ик! – Она повисла у него на шее, болтая ногами, и не сразу поняла, почему тот вдруг мягко отстранился.

– Привет, – его голос звучал сухо. – Теперь я Алекс вообще-то.

– А, ну ладно...

Тайка только сейчас заметила, что Шурик приехал не один, а с приятелями из города. Ни одного из них она прежде не видела.

– С ребятами познакомишь?

Шурик опустил взгляд и невнятно пробормотал:

– Серж. Ромуальд. Анжела. Вика. А это, – он небрежно махнул рукой, – Тайка. Из местных.

– Твоя подружка? – Вика глянула на Тайку так, что той невольно захотелось выпрямить спину и одернуть ситцевое платишко.

– Пф! Нет, конечно. Ладно, нечего тут стоять. Пошли в дом.

Вика, проходя мимо Тайки, задела ее плечом и тихо, но так, чтобы все услышали, протянула: «Фу-у-у, деревней пахнет» – и зажала нос. А бывший друг и не подумал вступиться – заржал вместе со всеми.

Это было так обидно, что Тайка убежала, даже не спросив, как зовут третью девушку, которая вошла в дом последней. Ее Шурик почему-то не представил.

* * *

– Не реви! – Никифор гладил ее по спине мохнатой лапой.

– Я не реву. – Плечи Тайки тряслись, но из глаз не пролилось ни слезинки.

На макушку спланировал коловерша и заурчал.

– Оно того не стоит, хозяйюшка. Плюнь и разотри, – гнул свое Никифор. – Лучше вон кваску выпей. Ух, ледяной! Сам готовил.

Тайка вцепилась в кружку обеими руками. Пушок перебирал лапами и, кажется, вил гнездо из ее волос. Спутает – потом не расчешешь. Но Тайка все равно не прогнала коловершу. Пускай себе гнездится.

– Знаю, – она шмыгнула носом. – Просто обидно. Думала, в гости позовут. На шашлыки. Эх, мечтать не вредно...

– Он еще придет к тебе, – мрачно посулил домовый, наполняя свою кружку до краев, – вот увидишь. Приползет, когда приспичит.

– Только не делайте с ним ничего, – Тайка погрозила кулаком. – А то знаю вас.

Никифор поднял руки: мол, сдаюсь; между пальцев у него росла серая шерсть, похожая на волчью.

– И в мыслях не было, хозяйюшка. Но помяни моё слово: судьба – не шельма. Сама всё по местам расставит. Имей в виду: случись чо, все Дивнозёрье за тебя встанет. Неча нашу ведьму забижать!

Коловерша, грозно курлыкнув, спустил свой хвост прямо Тайке на лицо.

Она невольно улыбнулась и чихнула. Всю печаль как рукой сняло.

А с участка Шурика доносились взрывы смеха, гитарный перебор и такой манящий запах шашлыка, что аж слюнки текли...

* * *

Никифор будто в воду глядел. Шурик пришел уже на следующее утро, и по его виноватому лицу Тайка поняла: случилось что-то плохое.

– Ты, это... – он переминался с ноги на ногу, но порога не переступал. – Извини за вчерашнее.

– Проехали, – Тайка пожала плечами, продолжив процеживать молоко. – Зачем пожаловал?

– У нас Ромка не просыпается, – зачастил Шурик, пряча взгляд. – Ну, Ромуальд, в смысле. Не помер, и на том спасибо. Но лежит и ватке не отражает. Уж мы его и трясли, и по щекам лупили, и водой поливали. Ноль реакции.

– Ох. Перебрал вчера, что ли? А вы фельдшера вызвали?

– Конечно, – Шурик все-таки переступил порог и снял солнцезащитные очки: под его глазами виднелись темные круги – следствие бессонной ночи. – Тот говорит, плохо дело. Ничего не понятно. Бригаду из города надо вызывать, но машина не доедет, потому что какой-то Гриня на дорогу сосну уронил.

– Ой, опять? – Тайка всплеснула руками. – Гриня – это леший наш. Все время озорничает.

– А фельдшер его откуда знает? Я думал, это вроде как, секрет. Ну, что нечисть на самом деле существует.

– Да какой уж там секрет, когда Гринька с то с туристами тусуется, то с геологами. Над дядей Витей – это фельдшера так зовут – тоже как-то прикольно решил. Завёл в чашобу, стал страшать, а тот не испугался, начал песни горланить да хохотать. Ну, Гриня его и зауважал. С тех пор они чуть ли лучшие друзья.

– Ясно, – Шурик вытер лоб рукавом. – Ладно, фиг с ним, с лешим. Че с Ромкой делать? Дед Федор к тебе велел идти. Мол, где медицина бессильна, там без ведьмы не обойтись. Ты поможешь?

Тайка шагнула вперед – всего лишь собиралась поставить опустевшую банку в раковину, – а Шурик, втянув голову, попятился.

– Не бойсь, – усмехнулась она, – не заколдую.

– Я не того боюсь, что заколдуешь, а что дашь мне кулаком в ухо, как в детстве. Чего уж там, заслужил...

– Ладно, – Тайка вытерла руки о передник. – После поговорим. А пока давай посмотрим на вашего Ромуальда.

* * *

Приятель Шурика действительно спал мертвым сном. Ни заговоры, ни окуливание травами не помогали. Тайка нахмурилась.

– Знаешь, – шепнула она на ухо Шурику, – мне кажется, он не хочет просыпаться.

– С чего бы?

– А вот это нам и надо выяснить. Что у вас тут вчера произошло?

Шурик наморщил лоб.

– Да ничего особенного. Тусили, шашлыки жарили. Ромуальд на гитаре играл. Ели то, что привезли с собой, пили только пиво. Ничего запрещенного, если ты об этом. Гулять не ходили. На кикиморин след не наступали.

Тайка улыбнулась: надо же, Шурик еще помнит. Это она ему давным-давно рассказала, что наступить на кикиморин след – это сразу распрощаться с удачей на ближайшие дни. Заодно и научила этот самый кикиморин след отличать.

– А Серж где?

– Пошел сосну пилить вместе с дедом Федором. Ты б ее видела: ствол в три обхвата!

– А девчонки? Анжела, Вика и третья... как ее там?..

– В смысле? – вытаращился Шурик. – Какая еще третья?

– Вас сколько всего приехало?

– Пятеро.

Что-то не сходилось... Тайка в задумчивости потерла подбородок, а потом хлопнула себя по лбу:

– Ну конечно! Это летавица! – Она схватила Шурика за рукав.

– Лета... кто?

– Не важно. Беги к Никифору! Скажи, я прислала, он покажется. Нужны рябиновые веточки, красная шерстяная нить и свечи. Будем Ромуальда выручать.

Пока Шурик бегал туда-сюда, Тайка решила потолковать с таинственной девицей. Ну а вдруг поможет?

– Я знаю, что ты здесь, – она присела на кровать в ногах спящего. – Можешь не прятаться!

Если Тайка не ошибалась, то ей самой ничего не грозило: летавицы были опасны только для парней.

– А чего тогда кричишь, коли знаешь?

Девица возникла у нее за плечом, шутя, дунула прямо в ухо, и Тайка подскочила, как ошпаренная:

– Чур меня!

Летавица была красивая... Белокурая, синеглазая, в длинном белом платье.

– Не чурайся, – она лениво потянулась, щурясь на солнце. – От меня не поможет.

– Разбуди его, – Тайка, оправившись от испуга, шагнула вперед, сжимая кулаки. – Добром прошу.

– Зачем? – летавица склонила голову набок; в ее волосах желтели молодые одуванчики. –

Он сам меня позвал.

– Отступись, а не то!..

– А не то что?

Ещё и смеётся. Ух, негодяйка! Тайка так и не придумала, что ответить.

Летавиц она прежде не видала, только от бабки про них слышала. Так называли призрачных дев, которые являлись одиноким парням, принимая самый желанный облик. Они дарили любовь, а взамен отнимали жизнь каплю за каплей. Вот только непонятно, отчего парень так быстро вырубился. Обычно летавицы растягивали удовольствие на месяц-другой. Может, у них давно, и Ромуальд ее с собой из города приволок? Вон оборотни же из деревень перекочевали поближе к цивилизации, потому что в каменных джунглях прятаться сподручнее. Почему бы и летавицам не последовать их примеру?

– А то позови, я и к тебе приду, – девица подмигнула, глядя, как вытягивается Тайкино лицо.

– Врешь, не придешь! – Тайка сама не заметила, как, отпрыгнув, оказалась у двери. – Летавицы к девчонкам не ходят.

– Так я и не летавица...

Пока Тайка хлопала глазами, со двора донесся встревоженный голос Шурика:

– Тая, где ты? Я все принес.

Таинственная девица, стоило отвести от нее взгляд, тут же исчезла. Лишь на одеяле остался сияющий золотистый волос. Настоящий. У призрачных летавиц таких быть не может. М-да, похоже, Шурик бегал зря. Тайка, конечно, сделала все что надо, но Ромуальд так и не проснулся.

* * *

– А чо бы тебе ее и впрямь не позвать? – Никифор поскреб в клочковатой бороде. – Чо теряешь?

Тайка вытаращилась на него:

– Как это «чо»? А ну как лягу рядом с Ромуальдом: ни живая, ни мертвая.

– Тебя так просто не одолеть, – домовой, крикнув для верности, похлопал ее по колену. – Да и мы с Пушком, ежели чо, подсобим. Узнай, хозяйюшка, чо энтой тварюке надобно, сразу найдешь ключик ко всему.

Тайка знала, что Никифор прав, но все равно артачилась:

– Как же ее позвать, если я имени не знаю?

Домовой постучал себя по лбу:

– Думай. Ты же у нас ведьма.

– Ага. Ма-а-аленькая, – не удержалась Тайка, но Никифор подначку не оценил:

– Вот именно. Не зря ж говорят: мал да удал! Ты старших слушай, я энту жисть знаю. Вишь, пришли, не обошлись без тебя. Я же говорил! Сладко пели, сладко ели, да расхлёбывать пришлось.

Тайка кивала, кивала и вдруг ее осенило.

– Никифор, да ты умница! Спасибо за идею!

Уже через пару минут она ворвалась к соседям, чуть не сбив Шурика с ног.

– Вспоминай, что Ромуальд пел в тот вечер?

– Да то же, что и всегда, – тот пожал плечами. – Цоя, БГ, Арию. Немного из своего: какую-то новую песню.

– А текст есть?

– Где-то была распечатка. Он еще не выучил аккорды. – Шурик огляделся и выудил из-под дивана помятый лист. – О, вот же.

Тайка выхватила бумагу из его рук и, не говоря больше ни слова, умчалась к себе.

Она чувствовала, что напала на след. В тот злополучный вечер все городские ели, пили и делали одно и то же, а на гитаре играл только Ромуальд.

Сама Тайка играть не умела, но надеялась, что достаточно будет прочитать текст.

Тот был незатейливым, но ей все равно понравился, в припеве обыгрывалась известная поговорка: «мечтать не вредно».

Заперевшись в своей комнате (чтобы Пушок под руку не лез), Тайка зачитала песню вслух, с выражением, как учили в школе:

*Годы проходят, а ты всё ждёшь
Снов, что приходят ночью.
Но взмыть в небеса или вызвать дождь
Можно, когда захочешь.
Скучные люди твердят опять:
«Приятель, мечтать не вредно!»
А мы усмехнемся в ответ им:
«Вредно, друзья, не мечтать!»*

Долго ждать не пришлось: золотоволосая девица явилась – не запылилась.

– Я так и знала, что позовешь... – она присела на подлокотник кресла, качая босой ногой. – Ну, говори, что тебе надо?

– В смысле? – От неожиданности Тайка чуть не выронила листок. – Это я у тебя хотела спросить!

Гостя заливисто рассмеялась:

– Ты так и не поняла? А еще ведьма, называется! Я – Греза. Воплощенная мечта. И мне осталось выполнить последнее желание, чтобы вернуться домой.

Тайка ахнула и прикрыла рот рукой. О таком она даже от бабушки не слышала, а уж та, казалось, знала почти все на свете.

– Хочешь сказать, что желанием Ромуальда было...

– Выспаться. Чтобы не разбудили. И чтобы на работу завтра не надо. На рассвете он проснется отдохнувшим и счастливым.

– А раньше ты сказать не могла?

– Ты не спрашивала, – улыбнулась Греза. – Так что, будешь загадывать? А то уйду, и тогда меня песней уже не призовешь.

– Что, прямо любое можно? – Тайка приложила руку к груди, чувствуя, как сильно бьется сердце.

– Не совсем. Я не могу устроить мир во всем мире, вылечить неизлечимую болезнь, вернуть умершего к жизни или заставить человека полюбить. Я же еще маленькая мечта. Не из тех, что меняют людские судьбы. И да, сбудется не все, что попросишь, а только то, чего ты хочешь всей душой. Загадаешь не то – потом не жалуйся.

Тайка вздохнула. Маленькая мечта для маленькой ведьмы... Что ж, значит, бабушку вернуть не удастся. Да и плохое это желание. Эгоистичное. Ба ведь своё долгожданное счастье нашла в Дивьем царстве. Нужно придумать что-нибудь другое.

Хорошие оценки? Но она может получить их и сама. Новое платье, как у этой городской Вики? Да ну, ерунда! Может, попросить вернуть их прежнюю дружбу с Шуриком? Нет. В дружбе, как и в любви, насильно мил не будешь. Тут никакие чары не помогут. Она либо есть, либо нет.

– Я хочу понимать язык животных! – выпалила Тайка.

Она действительно не раз мечтала об этом еще в детстве.

Греза глянула изумленно:

– О таком меня еще не просили. Не уверена, что это маленькая мечта. Но, в конце концов, и я не впервые исполняюсь. Попробую. Но обещать не буду...

Она щелкнула пальцами. На первый взгляд ничего не изменилось.

– Постой-ка! – Тайка каким-то внутренним чутьем поняла, что удивительная гостя сейчас исчезнет навсегда. – Куда ты теперь?

– Домой, – Греза указала рукой вверх. – Если когда-нибудь увидишь падающую звезду, знай: это одна из нас. Как же хорошо, что люди до сих пор не разучились мечтать. Ты не представляешь, какое это счастье для мечты – сбыться.

* * *

На следующий день Шурик притащил кастрюльку шашлыков – с горочкой.

– Свежие, сам сегодня нажарил. Специально для тебя.

– Спасибо, – Тайка поставила кастрюльку на стол. – Как Ромуальд?

– Выспался, гад. Знаешь, я ему немного завидую... – Шурик вздохнул.

– А что ты сам загадал бы Грезе? – Отчего-то Тайке было очень важно услышать ответ.

– Веришь, с самого утра голову ломаю, но так ничего и не придумал. Будто бы нет у меня ни одной толковой мечты. – Лицо Шурика стало еще более виноватым, светлые брови сошлись домиком на переносице.

– Это никуда не годится. Нужно исправляться.

– Я попробую. В следующий приезд доложу об успехах.

– Уже уезжаешь? – Тайке вдруг стало грустно, но она не подала виду. – Ну, тогда доброго пути тебе, Алекс.

Он обернулся уже на пороге:

– Это для них Алекс. А для тебя по-прежнему Шурик, лады?

Тайка кивнула.

На кастрюле звякнула крышка, острые когти шкрябнули по эмали. Это коловерша под шумок стащил несколько кусков шашлыка. Самых сочных.

– Ах ты ж! – Тайка замахнулась полотенцем. – Ворюга! За тобой глаз да глаз!

Пушок ловко увернулся и вспорхнул на шкаф. В его клёкоте послышалось отчетливое: «жадина».

– Постой, это ты сейчас сказал? – Тайка обмерла: неужели у Грезы получилось?!

– Нет, твоя бабушка! – проворчал Пушок; голос у него был низкий, скрипучий. – Я, может, всю жизнь мечтал об этих шашлыках, а ты... Эх, люди!

– Ой, прости, я поделюсь, – Тайка отложила на тарелку ещё несколько кусков для коловерши. – Мечты должны сбываться, Пушок. Ведь это делает их счастливыми.

Она только теперь подумала: а ведь можно было бы загадать встретить дивьего мальчика, как бабушка. Пусть даже и не царевича... Но ладно, так тоже очень здорово вышло!

Глава третья. Ты ж ведьма!

– Хозяйка, тут твоя помощь нужна, – донесся приглушенный голос домового Никифора. Тайка заглянула в чулан под лестницей и не ошиблась: Никифор был там, и даже не один. Второго домового – рыжего и чумазого – она разглядела не сразу: тот спрятался за банками с соленьями.

– Вылазь, Сеня, – Никифор подмигнул рыжему. – Наша Таисья – ведьма добрая, отвечаю.

– Арсений, – гость протянул грязную лапку с узловатыми пальцами. – Можно, я у вас поживу немного?

– Чувствуй себя как дома. – Тайка пожала руку и украдкой вытерла испачканную ладонь о фартук. – Хочешь молока?

Никифор дернул ее за подол платья:

– Лучше послушай, хозяйка, чо у Сени стряслось. Дело-то сурьезное.

Домовой Арсений вытер нос рукавом и тоненько запричитал:

– Ой, беда-беда, кручинушка. Из дома родненького выселили, супостаты!

– Кто? Хозяева? – Глаза наконец привыкли к полумраку, и Тайке удалось рассмотреть гостя получше: латаная-перелатаная косоворотка, полуразвалившиеся лапти, нечесаная борода – одним словом, непутевый. И пахло от него кислой бражкой.

– Нет у меня хозяев, – всхлипнул Сеня. – Я это... из дома на окраине.

Заброшенный дом в Дивнозёрье знали все: кривенький, с облупленными наличниками и покосившимся забором. Он переходил от хозяина к хозяину, попутно обрастая дурной славой. Одни видели там призраков, другие грешили на шишигу, кое-кто считал, что это домовой одичал и чудит, но все сходились во мнении, что в доме нечисто. Бабушка рассказывала, что в стародавние времена там ведьма жила. Веданой её звали. Наследников, вроде как не оставила. Потом какой-то ушлый начальник документы подделал и дом присвоил, но только перестроил да облагородил – как там сразу начала чертовщина твориться. С тех пор его только и делали, что перепродавали.

Глядя на Арсения, Тайка легко поверила бы в историю об одичавшем домовом, если бы этот самый домовой сейчас не сидел перед ней, дрожа от страха.

– Тогда кто?

– А я почем знаю? – Сеня влез на бочонок из-под квашеной капусты. – Бывало, сам озорничал, каюсь. Так все озорничают!

Никифор в ответ на такой поклев кашлянул и нахмурил косматые брови. Он был серьезным домовым, не то что некоторые...

– А теперича там че-то завелось и воеет, аж жуть берет! – Арсений закатил глаза. – Помоги, а? Ты ж ведьма!

Тайка вздохнула. Вот и нашлось настоящее дельце. Теперь было очень важно не ударить в грязь лицом. Это, вроде как экзамен получается.

– Попробую узнать, кто там воеет, – Тайка поежилась. – Но ничего не обещаю.

– Пушка с собой возьми, – Никифор потянулся, хрустнув спиной. – А мы с Сеней пока в баньку сходим косточки попарить. Подберу ему чо-нить из вещичек. Негоже домовому – пущай и бездомному – чучелом неумытым ходить.

Тайке эта идея пришлась по душе – всё-таки не одной идти. А вот Пушок совсем не обрадовался.

– Очумела? – Коловерша нарезал круги по комнате. – Там что-то воеет, а мы туда пойдем? Еще и ночью! А вдруг это оборотень?

– Не ори. Мы одним глазком посмотрим. Я же обещала. – Тайка показала коловерше яблоко, но тот даже не взглянул на лакомство: пришлось есть самой.

– Обещала она! – Пушок приземлился, кляцнув совиными когтями по столешнице. – Пожалела Сеньку. Взгляни на него, Тая, он же бомж! Опустившийся элемент.

– Где ты таких слов нахватался? – ахнула Тайка.

– Думаешь, я газеты к себе в гнездо ношу, чтобы на них спать?

– А разве у тебя есть гнездо?

В круглых желтых глазах Пушка мелькнуло негодование. Он захлопал крыльями.

– Я не пойду, ясно? И тебя не пушу. Ишь, смелая выискалась! Загрызет тебя оборотень, что тогда?

– Подавится, – усмехнулась Тайка. – У меня обереги есть. И ножик серебряный.

– Но-ожик, – коловерша презрительно фыркнул. – А у него когти – во! Больше моих.

Для наглядности он поднял лапу, но Тайка не испугалась:

– Все равно пойду. С тобой или без тебя!

– Ну и дурочка.

– А ну, не обзывайся!

– Бе-бе-бе, – Пушок перепорхнул на печку, а Тайка в сердцах запустила в него огрызком яблока, но промахнулась.

Вдруг раздался осторожный стук, и в приоткрытую дверь заглянула соседская девочка Аленка. Тоненькая, тихая, с двумя торчащими светлыми косицами и конопатым носом. Ей недавно исполнилось восемь, и этой осенью Аленка опять собиралась в первый класс: прошлый год пришлось пропустить из-за частых болезней.

– Можно? Мама сказала к тебе пойти...

– И что надо твоей маме? – Тайка припомнила тетю Маше вечно уставшую седую женщину с грустными глазами.

Соседи жили бедно. Аленка была поздним ребенком, да к тому же росла без отца... Друзей у нее не водилось, поэтому Тайка, несмотря на разницу в возрасте, порой гоняла с ней на великах по деревне или брала с собой в лес за грибами. Заодно они и Аленкину овчарку выгуливали, чтобы размыла лапы, побегала. Умнейшая собака. Из тех, с которыми ребёнка можно было оставить, как с нянькой. Тетя Маша раньше так и делала, когда уходила на работу. Аленка даже шутила, что это Джулька её вырастила.

– У мамы всё нормально, – девочка шмыгнула носом, – Это мне помощь нужна. Джулька пропала. Всю деревню обыскали – нигде нет. Найди ее, пожалуйста. Ты ж ведьма!

Она протянула на ладошке золотые сережки-колечки – самое дорогое, что у нее было. Тайка, конечно же, не взяла.

– Давно пропала-то?

– Да уж три дня назад. – Губы девочки задрожали. – Мама сперва говорила, мол, вернется. А теперь говорит, давай новую собаку заведем, а другую я не хочу. Джулька, когда я болела, под окнами больницы ночевала, а как-то даже в окно влезла и нарычала на доктора, который мне уколы делал. Она мой друг. Разве друзей бросают?

– Песье племя! Терпеть их не могу, – Пушок яростно завозился за печкой.

Аленка, разумеется, слов не разобрала. Вместо коловерши она увидела бы обычного кота. Мяучит себе – и пусть мяучит. А вот Тайке захотелось его стукнуть. Ну чего он лезет?

– Конечно, не бросают. Я найду Джулю, обещаю.

Она дождалась, пока девочка уйдет, и – бэ-э-э – показала Пушку язык.

* * *

Идти ночью к заброшенному дому в одиночку было боязно. А не идти – стыдно.

Тайка еще не успела добраться до покосившегося забора, как на ее плечо бесшумно спланировал коловерша.

– Фу, ну и напугал!

Он появился очень кстати: ноги тут же перестали подкашиваться, и темнота уже не казалась такой непроглядной.

– Одну не пушу, – Пушок встопорщил перья. – Должен же кто-то хранить хранильницу, ну?

– Спасибо, родной, – Тайка пригладила озорной хохолок на его голове. – Тише, мы почти на месте...

Окна заброшенного дома были темны. Открытые ставни поскрипывали от ветра, в заросшем саду кто-то шуршал и перешептывался (хотелось верить, что мыши), под ногами хрустел гравий... Тайка сжала оберег в кулаке и вошла в сад. Пушок сдавленно ухнул, впиваясь когтями в ее плечо.

– Эй, больно же, – Тайка шлепнула его по лапам, и коловёрша ослабил хватку.

Как вдруг у них за спиной с треском захлопнулась калитка – бам! Тут поневоле вздрогнешь.

– Пойдем домой, а? – заныл Пушок, щекоча усами Тайкино ухо. – Нет здесь никого. Ау-у-у? Видишь, не отзываются.

Порыв ветра громыхнул заржавевшей кровлей, с крыши посыпались прошлогодние листья, запахло гнилью и грибницей.

Тайка ухватила за замшелый наличник, приподнялась на цыпочки, чтобы заглянуть в окно, и ахнула: внутри в кромешной темноте что-то белело.

– Наверное, простыню сушат, – Пушок прижался к Тайкиной щеке.

В заброшенном доме. Простыню. Ну, конечно.

Пока Тайка думала, как бы состричь, белое марево обрело очертания женской фигуры с темными провалами вместо глаз. Слишком широкий для человека рот скривился в ухмылке. Тайка сглотнула.

– А-а-а, привидение!!! – Пушок сорвался с ее плеча.

Подгнивший наличник треснул, и Тайка с размаху шлепнулась в крапиву.

Белая фигура захихикала, протягивая к ним руки, и в этот самый миг раздался тоскливый протяжный вой, похожий на собачий или волчий.

– Оборотень!!! – Пушок заметался, роняя перья.

Тайка не стала ни задерживаться, ни оглядываться: выскочила из крапивы и припустила бегом, до самого дома не переводя дух.

Вот тебе и ведьма-хранильница.

* * *

– Никак Марьянку встретили? – Умытый, приодетый и надушенный одеколоном Арсений улыбался во весь рот.

Тайка медленно подняла голову от бабкиных тетрадок. Ее и без того темные глазищи почернели.

– Твоя знакомая?

– А то ж! Марьянка-вытьянка. В один прекрасный день, понимаешь, появилась на пороге, как снег на голову. Ничего, грит, не помню, а дом этот помню. Не выгонять же? Ну так и стали вместе жить. Знаешь, какие она пироги печёт? Закачаешься. Я её замуж звал даже – не идет. Эх...

Тайка в сердцах захлопнула тетрадку. Вытьянка, конечно же! Беспокойный дух. Умеет пугать, но настоящего вреда причинить не может. По крайней мере, так у бабушки записано. За позорное бегство стало совсем стыдно.

– И ты молчал?

Арсений пожал плечами:

– Ты не спрашивала... ай! – Пушок, спланировав, цапнул его за ухо.

А Тайка схватилась за метлу:

– Иди-ка ты домой, Сеня. К своей вытьянке. Погостил – пора и честь знать.

– Хозяйка, ты... – Никифор осекся на полуслове – знал: если уж разозлили ведьму, лучше помалкивать. Даром что маленькая, а метлой может приложить как большая.

Арсений, поняв, что дело плохо, съезжился и запричитал:

– Н-не выгоняйте, умоляю! На улице совсем пропаду: нам, домовым, без дома н-нельзя.

– Что ж ты такого натворил, что вытьянка тебя не пускает? Обидел её? Признавайся! –

Тайка перекинула за спину смоляные косы. – Если узнаю, что приставал, я за себя не отвечаю! Когда пустил девушку – или как, в нашем случае, вытьянку, – к себе жить, она от тебя зависит, понимаешь? Нельзя настаивать, если уже раз отказала.

– Да не приставал я! – Арсений на всякий случай пригнулся. – И вообще, это не она воет. Нешто я Марьяниного голоса не знаю!

– Значит, все-таки оборотень... Пушок его видел.

– Кхм, – коловерша отпрыгнул на безопасное расстояние. – Вообще-то нет.

– Вот как? – Рука на метле сжалась крепче. – А кто громче всех кричал?

Пушок на всякий случай отлетел еще подальше.

– Мне показалось.

Тайка обвела взглядом притихшую компанию.

– Ну вот, мы вернулись к тому, с чего начали...

– Не сердчай, хозяйюшка, – пробасил из угла Никифор. – Сеня не со зла, глупый он просто. Ты, это... метлу-то отложи. Я с утречка козу сам подою, хошь?

– Я полы помою, – пискнул Арсений.

– А я в саду помогу, – коловерша взмахнул крыльями. – Вишни высоко, а я – хоп – слетал и достал!

– Ага, и половину по дороге слопал, – фыркнула Тайка. – Не вздумай, олух, они еще не поспели!

Нет, ну как прикажете на них злиться?

* * *

Теперь, когда стало ясно, что в заброшенном доме живет вытьянка, поскрипывания и шорохи уже не казались такими угрожающими. И все же Тайка была начеку. Пушок опять увязался следом: видать, тоже винил себя за вчерашнюю трусость.

– Явились – не запылились, – раздался хихикающий голос, стоило им приоткрыть калитку. – Мало было? Так я добавлю. У-у-у, мародеры!

– Нет-нет, мы не мародёры. Я ведьма, а это – Пушок, – Тайка вошла в сад и зажгла фонарик. – Вы, Марьяна, нас больше не пугайте. Мы не из пугливых.

– Ха, а вчера улепетывали, аж пятки сверкали!

Вытьянка, простоволосая и босая, сидела на крыльце, подперев подбородок ладонями. Ее бледное лицо больше не было страшным, а то, что Пушок вчера принял за простыню, оказалось неподпоясанной белой рубахой. Волосы тоже были почти белыми.

– Арсений послал нас разобраться... – начала было Тайка, но вытьянка вдруг вскочила; ее глаза загорелись синим огнем, рубаха заколыхалась на ветру, как знамя.

– Ах, Арсений! Где этого негодяя носит? Опять пьет?

Тайка невольно попятилась, но быстро опомнилась и взяла себя в руки.

– А у вас тут, говорят, воет кто-то, покой нарушает. Кто бы это мог быть? – она направила фонарик прямо в лицо вытьянке, и та отшатнулась, став полупрозрачной.

– Н-никто.

– Вот только врать не надо. Мы сами слышали. Не бойтесь, я хочу помочь. Правда.

Марьяна огляделась по сторонам и быстро зашептала:

– Ладно, идем... может, придумаешь, что с этим делать. Ты ж ведьма, – Тайкиной руки коснулись холодные как лед пальцы.

– Стой, не ходи за ней, – сквозь зубы прошипел Пушок, но поздно: они уже вошли в дом.

Внутри все заросло паутиной и пылью; ветхий пол, казалось, вот-вот проломится под ногами. Дом, в котором давно не жили, был пугающим и живым даже без чар вытьянки.

– Чую дух песий, – Пушок шумно втянул воздух, – клянусь, оборотень тут!

Словно в подтверждение его слов, не вой, а тихое поскуливание раздалось совсем близко, и Тайка вздрогнула.

– Сюда, – Марьяна выпустила ее руку и преспокойно прошла сквозь стену; а вот Тайке пришлось попотеть, чтобы открыть дверь: та вконец рассохлась.

Она ожидала увидеть что угодно, но только не это: на полу на ватном одеяле сидел белоснежный толстолапый щенок. Здоровенный – лишь немногим меньше взрослой овчарки. Почувяв гостей, он перестал скулить, завилял хвостом и запрыгал.

– Фу! – Коловерша взмыл в воздух, а щенок, заметив его, зашелся залиvistым лаем.

Марьяна умилилась:

– Ути маленький, впервые гавкнул.

Тайка только сейчас заметила, что на спине у щенка трепещут маленькие крылышки. Таковую махину им, конечно, не поднять... но, может, они еще вырастут?

– И давно у вас это чудо? – Она погладила щенка между ушей.

– На той неделе родился, а смотри ж, не слепой. Вот что значит кровь симаргла!

– Симаргл? Но откуда?!

По бабкиным записям Тайка знала, что крылатые псы-защитники водятся только в дивьем царстве и выбирают одного хозяина на всю жизнь. Очень умные создания. Ну, когда вырастут...

Щенок облизывал Тайкин кроссовок: похоже, у него уже резались зубы.

– Да прятался тут один, из дивьих людей, – ледяной взгляд Марьяны вдруг потеплел. – Ух, и красавчик! Вот за него бы я пошла, не за Сеньку. Жаль, не звал. Расспрашивал, не случилось ли у нас в последнее время чего подозрительного. Я пошутила, мол, одеяло старое дырявое спёрли, пока сушилось. Думала, посмеётся, а он такой серьёзный – пошёл во двор верёвку осматривать. И симаргл с ним. А овчарка местная их почувяла да тоже к нам прибилась. Гнала ее домой – ни в какую. У них, понимаешь, собачья любовь случилась.

Так вот, значит, куда делась Джульетта...

Тайка вынула кроссовок из пасти маленького симаргла.

– А где теперь та овчарка?

– Ушла в дивье царство, – вытьянка вздохнула. – За симарглом и его хозяином. Щена вот оставили, байстрюка мелкого... А тот давай выть с тоски! Сенька испугался и сбег, дурачок. Он ведь дивьего гостя проспал: бражки накушался, пьянь.

– М-да... Ну и что с тобой делать?

Тайка присела на корточки. Крылатый щенок поставил лапу ей на колено и лизнул в нос.

* * *

– Значит, Джуля не вернется? – Аленка сдерживалась, как могла, но слезы сами покатились из глаз. – Выходит, это она меня бросила?

– Не бросила, – Тайка протянула ей платок. – Жениха себе нашла.

– А им вместе хорошо? Он не будет мою Джулю обижать?

Пришлось заверить, что точно не будет: только тогда Аленка кивнула и вытерла слезы.

– Тогда ладно. Бросать друзей нельзя, но и удерживать их против воли тоже плохо.

Тут ее взгляд упал на маленького ситаргла.

– Ой! А кто это?

– Ты его видишь? – ахнула Тайка.

– Какой хорошенький! А можно погладить?

Щенок сам подлез под ее ладонь и тявкнул.

– На маленькую Джульку похож, – девочка улыбнулась. – Такой же смешной, только белый.

Ситаргл приподнял одно ухо, посмотрел на Тайку, на Аленку, будто выбирая между ними, а потом прижался к Аленкиной ноге и снова тявкнул.

Говорить он еще не умел – даже по-собачьи, – но Тайка поняла без слов:

– Это Джулькин сын, и он выбрал тебя своей хозяйкой. Ух и повезло тебе, Аленушка.

– Правда? – Девочка взвизгнула и обняла щенка за шею, а тот принялся вылизывать ей лицо. – Значит, Джуля не просто ушла, а оставила вместо себя... как же его назвать? Может, Пушок?

– Нет, только не это! – Коловерша едва не свалился с Тайкиного плеча.

– Или лучше Снежок?

– Да-да, прекрасное имя!

К счастью, Аленка по-прежнему не слышала коловершу.

Тайка легонько стукнула Пушка по макушке, чтобы тот успокоился, а затем снова обратилась к подруге:

– Это необычный пес. Твоя мама не увидит его, пока он не научится прятать крылья. Он сможет говорить, а потом и читать твои мысли, будет защищать тебя от всего на свете, отгонять болезни и ночные страхи. Но если ты предашь его, он не проживет и дня.

– Я никому его не отдам. И буду заботиться, – Аленка запустила пальцы в густую белую шерсть. – Мы подружимся. Честно-пречестно!

Она что-то шепнула щенку на ухо, и тот вдруг исчез. Лишь собачьи следы, появляющиеся на земле рядом с Аленкой, указывали, что ситаргл все еще здесь. Кажется, эти двое и впрямь нашли друг друга.

– Снежок! – крикнул коловерша им вслед. – И чтобы никаких Пушков мне тут.

– Ну ты и эгоист, – Тайка рассмеялась.

* * *

– Звиняй, хозяйка, – Никифор снял картуз. – Кто ж знал, что Сеня – тот еще фрукт. Ох, прав был Пушок...

– Бражку варили? – Тайка принялась.

– Ага, – потупился Никифор.

– Пили?

– Ну, по чуть-чуть... Просыпаюсь, а Сенька сбег и серебряные ложки прихватил, гад.

«И поделом», – хотела сказать Тайка, но вместо этого улыбнулась:

– Не расстраивайся, Никифор. Ты же от чистого сердца, другу помочь хотел.

Домовой просиял:

– Ты у меня, хозяйюшка, самая лучшая!

– А ты льстец.

– Не без этого... Как думаешь, зачем тот тип из дивных приходил?

– Как пришел, так и ушел, – Тайка пожала плечами. – Мне-то какое дело?

На самом деле ей, конечно, было обидно. Самое главное чудо упустила, эх...

– Кому ж еще, как не тебе? – Домовой огладил бороду. – Ты ж у нас ведьма!

Тайка вздохнула: сколько раз за последнее время она слышала эти слова? Уже и не сосчитать.

Ох, а то ли еще будет!

Глава четвертая. Папоротников цвет

С самого утра Тайка затеяла печь пирожки. Думала домового порадовать: Никифор в последние дни смурной ходил да все вздыхал тяжко. Но горестями не делился.

– А с чем пирожки? – На стол спикировал Пушок. – С маком?

– С таким, – Тайка отмахнулась полотенцем, и коловерша вспорхнул, подняв облако мучной пыли.

Порой Тайке казалось, что осенне-рыжий Пушок, напоминающий помесь кошки с совой, взял худшие качества от тех и других. Он был быстр, нагл, умел подкрасться бесшумно и жрал все, что плохо лежало. А по его мнению любая еда лежала плохо. Вот и сейчас сцапал когтями куриное яйцо и смылся, гад.

– Брось, хозяйка, – Никифор чихнул и принялся отряхивать картуз от муки. – Пушай летит, разбойник пернатый.

Тайка вытерла пот со лба и погрозила кулаком печке, за которой спрятался вороватый коловерша.

– И все же, Никифор, что случилось? Я же вижу, ты сам не свой.

Домовой, вздохнув, поскреб в бороде:

– Гриня пропал. Уж целую седмицу как. Не знаем, чо и думать.

Гриней звали дивнозёрского лешего. Тот хоть молодой и озорной был, но дело свое знал хорошо. Грибов и ягод в лесу всегда родилось в избытке, зверье лоснилось и множилось, лес рос красивый, чистый, а то, что Гриня порой превращался в выпь и пугал криками дачников, – так у всех свои недостатки.

– То есть как это – пропал? Совсем? – Тайка опустила на табурет.

Никифор кивнул:

– С концами... и, как назло, прямо в канун праздника. Кикиморы с ног сбились, мавки рыдают хором: какое уж тут веселье... Кстати, ты сама-то пойдешь?

– А что за праздник?

– Дык купальская ночь сегодня! Забыла? – Никифор глянул на нее с укоризной.

– Я не знала, что тоже приглашена, – Тайке не хотелось признавать, что она и впрямь запаматовала.

– А как же иначе? – Никифор приподнял кустистые брови. – Ты ж ведьма-хранительница. Без тебя никак.

– А без Грини?

– Без него тоже. Но ты ж поворожишь, ежели не найдется?

Ну вот, началось... Тайка закатила глаза и грохнула кастрюлей.

– Куда я денусь? Поворожу.

Шел третий месяц, как она стала ведьмой-хранительницей Дивнозёрья, а казалось, будто бы три года прошло. Теперь, если что случалось, все бежали к ней.

Только на этой неделе она провела очередную воспитательную беседу с озорными кикиморами, выгнала у соседей раздорку, а Арсению – домовому из заброшенного дома – подкинула брошюру о вреде пьянства (кстати, тот уже две недели кряду не пил), но вот где искать пропавшего лешего, она понятия не имела.

Еще и праздник этот... Вовремя Никифор напомнил, нечего сказать. В чем туда идти? Не в джинсах же? И что там вообще делать?

– Как это что? Папоротников цвет искать, конечно. – Коловерша высунулся из-за печки; его морда была перемазана в яичном желтке.

Видимо, последний вопрос Тайка задала вслух.

– А зачем?

Пушок, поняв, что ругать его не будут, вылез целиком, отряхивая паутину с крыльев.

– Так он желание исполняет.

– Любое? – Тайка вскочила, уронив табурет.

Нет, она уже не хотела, чтобы все стало как прежде и бабушка вернулась из дивьего царства домой. Но вот навестить ее Тайка не отказалась бы, очень уж соскучилась. Да и посмотреть, что скрывается там – по ту сторону вязового дупла – очень хотелось. Это для дивьих людей все чудеса тут, а для обычных смертных – наоборот, настоящее волшебство начинается по ту сторону вязового дупла.

– Угу, – по-совиному ухнул коловерша, подбираясь ближе. – Что ни пожелаешь, все исполнит. Семеновна-то по молодости каждый год искала. Перестала, только когда ты родилась.

– А если бы нашла?

– То – фьють, только мы ее и видели! Но ты ж пойми: ищут все, а находит кто-то один. Эх, вот бы мне в этот раз повезло... – скрипучий голос Пушка стал мечтательным.

– А если найдешь, что загадаешь? – Тайка пригладила перья, торчащие на макушке у коловерши, и тот, зажмурив желтые круглые глазищи, тихонько замурлыкал.

– Мр-р-р-р, не скажу. Мр-р-р-р, это секрет.

– Ах так! Не буду тебя больше чесать.

Тайка убрала руку – и вовремя: коловерша попытался куснуть ее за палец, а промахнувшись, обиделся еще больше:

– Чего ты такая вредная, Тая? Если я расскажу желание, разве оно сбудется?

И пока Тайка задумалась-зазевалась, сцапал из миски еще одно яйцо и вылетел в окно.

– Знаю я твои желания, – усмехнулась она. – Пожрать, пожрать и еще немного пожрать, пожалуйста...

А папоротников цвет уже захватил все ее мысли, и Тайке едва хватило терпения дожидаться темноты в самую светлую ночь года...

* * *

Дивнозёрская нечисть всегда собиралась на поляне у самого большого дуба – царского дерева. Обычным людям сюда ходу не было, но Тайка знала, как пройти сквозь туманный морок: нужно было с заговором промыть глаза загодя собранной майской росой и положить под язык четырехлистный клевер. Она немного припозднилась, продираясь сквозь бурелом и поминая Гриню недобрым словом: ведь это была его забота – содержать лес в порядке.

Когда Тайка добралась до места, праздник был уже в самом разгаре. Огни светлячков сияли в траве, на замшелых колодах и в ветвях деревьев; повсюду горели костры и играла музыка – два полевика выводили бодрую мелодию на свирелях. Веселые мавки – босые, простоволосые, в цветочных венках и длинных рубахах, – завидев Тайку, оживились.

– Эй, ведьма, потанцуй с нами! – махнула рукой одна из них... кажется, Майя.

Да, точно: они встречались на застолье, которое Никифор устроил еще весной в честь новоиспеченной ведьмы-хранительницы. Отказываться было невежливо, но Тайка помнила – увлекаться нельзя: эти красавицы только и знают, что плясать. Не успеешь оглянуться – затапчут до смерти. Речные еще и похлеще озерных будут, а Майя была как раз из речных.

Музыка стала громче, повсюду слышались смех, визги и обрывки фраз. В кустах кто-то радостно ухал (может, Пушок или кто-то из его диких сородичей). Чьи-то руки надели ей на голову венки из полевых цветов и втащили в хоровод.

Уже после трех проходов стало жарко. Тайка хотела выйти из круга, но вдруг заметила незнакомку... Не мавку, не кикимору, не лесавку – обычную девушку: рыжую, высокую, в

кожаных штанах и футболке с крылатым черепом. И как только ее угораздило забрести на праздник нечисти, да еще и попасть в хоровод к мавкам? Ох, придется выручать.

Тайка сделала вид, что споткнулась о камень, и встроилась в круг уже рядом с девушкой.

– Уходи, – перекричать музыку было непросто: кто-то из полевиков от души наяривал на трещотке. – Тебе тут не место. Иди за мной, я покажу дорогу...

– Сама иди! – девушка отняла руку. – Вечеринка только началась. И мне тут нравится.

– Это морок. Еще немного, и ты забудешь, кем была и как звали. Станешь такой же, как они. Если, конечно, тебя не сожрут раньше.

– Подавятся! – незнакомка расхохоталась. – Я сама кого хочешь съем.

Цепочка танцующих ворвалась в хоровод, разделяя их, и Тайка потеряла девушку из виду.

Со всех ног она бросилась к Никифору, который, сняв лапти, грел пятки у костра.

– Беда! – Тайка плюхнулась на бревно рядом с домовым. – Там на поляне человек. Девушка. Уж не знаю, сама забрела или заманил кто, но она не знает, куда попала. И танцует. Без оберегов. Понимаешь, что это значит?

– Пушай танцует. – Густой бас Никифора был способен перекрыть даже трещотки и свирели. – Ничо ей не сделается. Тут кое-кого другого спасать надобно...

– Меня ругай, а Катерину не трогай, – раздалось с той стороны костра, и Тайка узнала голос пропавшего лешего.

– Гриня? Нашелся!

– Я и не терялся, – леший дунул в костер, чтобы тот разгорелся ярче.

– Нет уж, – Никифор поднял ладонь, и пламя поутихло, – неча тут огнем заслоняться. Встань-ка, покажись нашей ведьме.

– А чо такова? – Гриня поднялся во весь свой могучий рост, и Тайка прыснула в кулак.

Соломенные Гринины патлы были убраны под бандану, широченные плечи смотрелись еще шире в новенькой косухе, а из кармана кожаных штанов чуть ли не до колена свисала цепь. На футболке скалился точно такой же череп, как у той девушки.

– Красавчик, – Тайка улыбнулась. – А мотоцикл где?

– Там, в кустах стоит, – Гриня махнул рукой. – Тока он не мой, а Катеринин. Своего нету пока.

– Ишь ты, “пока”, – Никифор по-стариковски крикнул. – Бросает он нас, Таюшка-хозяйка. Грит, в банду вступил. Уезжает на железном коне в Сочи.

– Не в банду, а в клуб, – леший надулся.

– Все одно: нас на бабу променял! – домовый глянул на Тайку. – Потому и грю: это кто кого еще заморочил. Хозяйка, ну скажи ты этому олуху...

– Я люблю Катерину! – Леший ударил себя кулаком в грудь. – Может, никого так не любил!

Но Никифор уже не глядел в его сторону.

– Ты послушай, хозяйка, как дело было. На той седмице они встретились. Наш Гринька до Ольховки собрался за чипсами, – за лешим действительно водился такой грешок: очень уж любил хрустящую картошечку, – а эта, – Никифор кивнул на отплясывающую Катерину, – его подвезла. Ну и все, пропал мужик.

– Я, может, наоборот, себя нашел! – набычился Гриня: того и гляди, футболку на груди рванет.

– Тихо! Праздник же, а вы ругаетесь! – Тайка встала с бревна. – Гринь, а как же Дивнозёрье? На кого ты лес оставишь?

Леший захлопал глазами:

– Ой, будто я тут шибко нужен? Только и слышу: Гриня такой, Гриня сякой, Гриня сосну уронил... А Катерине от меня ничего не надобно. Я ей просто нравлюсь, понимаешь?

Тайка понимала. Ей было знакомо щемящее чувство одиночества, когда ты вроде нужна всем, но лишь потому, что – ведьма. А перестанешь отводить чужие беды, так о тебе через неделю не вспомнят. И все же она знала, что такое ответственность, а Гриня, похоже, нет.

– Мы тебя тоже любим. И я, и мавки, и даже Никифор, – Тайка на всякий случай незаметно пнула домового, чтобы тот не вздумал возражать. – Лес без тебя захиреет...

– Не дави на меня, – Гриня шмыгнул носом. – Ты даже не заметила, что меня нет, пока Никифор не сказал. А еще хранительница, называется! Да, далеко тебе до Семеновны...

Из толпы мавок выскочила раскрасневшаяся Катерина и обняла лешего за шею:

– Как у вас весело, Гриш... ага, и ты тут, – она заметила Тайку и нахмурилась.

– Я уже ухожу, – всхлипнула Тайка. Ох, только бы не показать слез...

В этот миг Майя, хлопнув в ладоши, зычно крикнула на всю поляну:

– Луна вышла! Айда папоротников цвет искать!

Музыка стихла, а вместо уже привычной трещотки раздался звук заводящегося мотора. Похоже, Гриня с Катериной решили уехать еще до рассвета.

Все разбрелись, и притихший лес вдруг ожил. Повсюду слышались шаги, шорохи, смешки, треск веток и чужое дыхание за плечом... Тайка отошла подальше под сень сосен и свернула с тропки туда, где прежде видела густые папоротниковые заросли. Только оставшись одна, она дала волю слезам. Вот стараешься, делаешь всё, как надо. Но да... у бабушки получалось лучше. А что делать, если случится что-то действительно серьезное? Не так уж это и хорошо быть ведьмой, оказывается...

Купальская ночь выдалась светлой, несмотря на то, что луна то и дело пряталась за тучами. Влажная земля пружинила и чавкала под ногами, а прежде эту часть леса никогда не заболачивало... ох, Гриня, Гриня.

Тайка подобрала палку, чтобы раздвигать широкие листья и не провалиться в какой-нибудь бочажок. Спустя пару часов ноги сами вынесли ее на незнакомую поляну. Высоченные – почти в пояс – папоротники росли тремя плотными кругами, а в самом центре... сперва Тайке показалось, что чей-то костер мерцает, то разгораясь, то угасая. Лишь продравшись через первый круг зарослей, она поняла – нет, не костер. Цветок! Настоящий! Слезы вмиг высохли, и Тайка ускорила шаг.

Вскоре она заметила, что с другой стороны к центру поляны приближалась темная фигура и неизвестный соперник, как назло, был проворнее.

Луна вновь вышла из-за туч, осветив поляну, и Тайка ахнула. К цветку папоротника склонился парень из дивьих: высокий, остроухий, с волосами светлыми, как лен. По обе стороны от него замерли собаки: овчарка и взрослый симаргл с белоснежными крыльями. Дивий гость коснулся лепестков цветка, будто бы погладил, – но срывать не стал. Вместо этого вырыл ямку рядом, что-то сложил в нее, закопал и полил из фляжки.

– Эй! Кто ты такой?

Когда Тайка продралась через второй круг, небо едва заметно посветлело: близился рассвет. Незнакомец вздрогнул, выпрямился и положил руку на холку симаргла.

– Забудь все, что видела. Не твое это дело. – Его голос лился, как родник, завораживая чудесным звоном.

Тайка мотнула головой, сбрасывая морок, и схватилась за оберег:

– Еще как мое! Я ведьма-хранительница Дивнозёрья, тут все под моей защитой.

Ответом ей стал смех.

– Такая юная, и уже ведьма? Не оскудел ваш край на чудеса... – он собрал в ладонь утреннюю росу с папоротниковых листьев и сдунул капли прямо Тайке в лицо.

Пока та пыталась проморгаться, гость из дивьего царства исчез вместе со своими собаками.

Цветок тем временем потускнел. Тайка потянулась к стеблю, но тут откуда ни возьмись на нее напрыгнул Пушок:

– Мое! Нашел! – Коловерша впилился лбом в ее ладонь.

– Эй, нечестно! Я первая была!

– А я быстрее!

Пока они пререкались, отпихивая друг друга, цветок почти угас. В сердцевине мерцала последняя искра, когда упругий стебель переломила проворная рука Майи.

– Ух, и повезло! – взвизгнула мавка, пряча цветок под юбкой. – Еле успела!

За ее спиной уже вставало солнце нового дня.

* * *

– Это все из за тебя, – бухтел Пушок, топорща перья. – Могли бы сейчас – ух – все иметь и век горя не знать.

– Ах, из-за меня?! – Тайка замахнулась поварешкой. – А кто пихался?

– А ну цыц! – Никифор стукнул кулаком по столу. – Неча ссориться на пустом месте. Слыхали, небось: кому папоротников цвет в руки дался, тому и был назначен. А ваше счастье, стало быть, глубже запрятано. Не заслужили исчо.

– А Майка заслужила? – Коловерша фыркнул. – Да что она может загадать, мавка глупая?

С улицы донеслось тарахтение мотоцикла, и Никифор выглянул в окно:

– А вот, кстати, и она. Легка на помине... Да не одна.

Тайка бросила поварешку и сама выбежала за калитку.

– Гриня!

Леший снял с головы шлем, поклонился Тайке и покосился на мавку. Та пихнула его локтем в бок.

– Прости меня, ведьмушка, – Гриня уставился себе под ноги. – Я тебе вчерась сгоряча лишнего наговорил. На самом деле я так не думаю. Все мы по Семеновне скучаем, но тебя тоже любим.

– Прощаю, – улыбнулась Тайка. – Как говорится, кто старое помянет... Но ты ведь остаешься в Дивнозёрье, или?..

Гриня переступил с ноги на ногу, скрипнув берцами:

– Не совсем... То есть... я...

– Уезжает-уезжает, – Майя выступила вперед, – в отпуск. А потом вернется. И будет к своей Катерине на выходные в гости ездить. Она-то городская, в деревне не приживется. Гриньке в городе тоже не жизнь. А так все будут довольны.

– Это ты придумала? – Тайке стало немного стыдно: она-то всегда считала мавок бестолковыми.

– Не я одна, с Катериной вместе. И Гриньке объяснили, что место, где тебя любят и ждут, может быть не одно.

Тайка поймала Майю за рукав и шепнула ей на ухо:

– Скажи честно: ты на это потратила папоротников цвет? Чтобы Гриню вразумить?

– Он и сам все понял, без волшебства, – улыбнулась мавка. – А цветок вот для чего сгодился. – Она хлопнула по кожаному сиденью мотоцикла: – Негоже добру молодцу в путь без коня отправляться. Засмеют.

Леший сел, завёл двигатель и расплылся в улыбке, прислушиваясь к тарахтению мотора.

– Ведьмушка, ты уж в моё отсутствие за лесом присмотри, ладно? Шоб аука никого в чашу не завёл и шоб сёстры-рябинки не ссорились.

– Присмотрю, не беспокойся.

– И вот ещё что, – Гриня понизил голос до шёпота. – Звери лесные говорят, пришлый у нас завёлся. С той стороны дупла. На вид, вроде, безобидный. Но ты имей в виду.

– Видала я вчера этого пришлого, – кивнула Тайка. – С собаками. Это он первым до папоротникова цвета добрался, но не сорвал почему-то. Наоборот, что-то посадил.

– С собаками? – Гриня почесал в затылке. – Нет, звери говорят, тот был один. Это их двое тут, бродит, что ли? Ох, тревожно мне. Чую: не вовремя я в отпуск собрался.

– Этак у тебя никогда “вовремя” не наступит, – Майя отвесила лешему дружеский подзатыльник. – Будто не знаешь: Дивнозёрье всё время что-то волшебное происходит. И вообще, ты либо доверяешь нашей ведьме, либо нет. Определись.

– Доверяю, конечно. Но ты, ведьмушка, будь начеку. На всяк случай.

Гриня надел шлем, газанул и они с Майей укатили к лесу.

Тайка еще долго смотрела им вслед и думала: как же редко мы говорим друзьям, что ценим их, думая только о себе и своих желаниях; как часто чувствуем одиночество, когда достаточно обернуться, чтобы встретить дружеский взгляд... а еще вспомнила о том дивьем парне: интересно, что он закопал там, в лесу? И есть ли второй чужак, или звери видели его же, просто без собак?

– О чем задумалась, хозяйюшка? – Никифор тронул ее локоть.

– Да так, – Тайка мотнула головой, прогоняя тревожные мысли, – взгрустнулось на минутку. Пустяки, пройдет. Пойдемте-ка лучше пирожки есть!

Глава пятая. Не верящая в чудеса

– Посмотри-ка, кто к нам приехал! – Дед Федор улыбался, а выцветшие стариковские глаза лучились счастьем. – Маришка, внученька моя. Таюша, сможешь показать ей Дивнозёрье? Ну, наше, настоящее...

– Прямо-таки настоящее? – Тайка не поверила своим ушам: чего это дед удумал?

А старик, подмигнув, шепнул:

– Она, понимаешь ли, в чудеса не верит.

М-да... тяжелый случай. В Дивнозёрье-то чудеса случаются сплошь и рядом, но показываются далеко не всем – можно в упор смотреть, а все равно ничего не увидеть. Вслух Тайка этого, конечно, не сказала: Маришка и без того глядела на нее свысока.

– Это ты, что ли, ведьма? – голос гостыи оказался звонким и мелодичным.

– Ну, я. А что?

– Не похожа! Где твоя остроконечная шляпа и черный кот?

Рядом крутился и фыркал Пушок. К счастью, ему хватило ума не показываться Маришке на глаза. Если бы еще умел молчать, когда не спрашивают, цены бы ему не было.

– Тая, что она мелет? Какой к черту кот? Не слушай ее! Я же лучше кота!

А Маришка тем временем без приглашения заглянула в дом:

– Котла тоже, как вижу, нет. И сушеных мышей.

– Тая, она дура? Зачем нам сушеные мыши? Свежие же намного вкуснее!

Тайка отмахнулась от назойливого коловерши. Да, ей тоже не нравилась гостыя. Но в отличие от Пушка ей приходилось быть любезной, чтобы не расстраивать деда Федора.

– Хотите квасу?

– А давай! По такой жаре в самый раз будет холодненького хлебнуть, – дед Федор отдал Маришке палочку и облокотился о перила. – Только, не серчай, Таюша, в дом не пойду. Ноги уж не те: от самой остановки, почитай, пешком шел. Внученьку встречал.

Взяв кружку, он по старой привычке сложил в кармане фигу от сглаза, а Маришка от кваса и вовсе отказалась.

Внучка деда Федора могла бы быть миловидной, если бы не вечно недовольное выражение лица. Светлые кудри, большие глаза, пухлые губы... она напоминала Тайке ангелочка, какими их обычно рисуют на рождественских открытках. Вот только очень сердитого ангелочка.

– А можешь меня заколдовать? – Маришка прищурилась.

– З-зачем?

– Ну, чтобы я поверила, что магия существует. Что ты вообще умеешь?

Тайка глянула на старика, но тот лишь руками развел: мол, сама разбирайся. Интересно, как он себе это представляет? Тайка подвального упыря должна откопать и предъявить в качестве доказательства?

– Ну, оберег могу сделать. Удачу приманить, лихо отвадить. Знаю лечебные травы и заговоры от нечисти, а еще...

– Я же говорила! – Маришка сунула деду его трость. – Это фольклор! Но так даже лучше. Мне для курсовой пригодится. Расскажешь мне, во что у вас тут верят. Всякие байки-небылички, заговоры. Это всё очень интересно.

– Да, Таюш, заглядывай к нам вечером. Погуляете, поболтаете, на речку сходите.

Тайка подхватила деда Федора под локоть, помогая тому подняться.

– Ладно, зайду.

Она понимала, к чему старик всё это затеял. Одиноко ему без родных, хоть он никогда в этом и не признается. А так понравится Маришке в Дивнозёрье, заведёт друзей – будет и к

деду приезжать почаще. Только говорить так сразу, что соседка – ведьма, не стоило. Любой современный человек к этому отнесётся скептически. Особенно, городской. Вон и деревенские не все верили...

Гости попрощались и ушли. Пушок, раскачиваясь на калитке, прошипел им вслед:

– Ш-ш-шкательню дорожка!

А потом, обернувшись к Тайке, дрожащим голосом добавил:

– Нет, ну я же правда лучше кота!

Пришлось успокоить его:

– Конечно, лучше.

* * *

Тайка зашла за Маришкой уже ближе к закату. Дед Федор сидел на лавочке под яблоней и курил любимую трубку.

– О, Таюша! А вы разве не вместе с Маришкой? Она уж с полчаса как ушла.

– Одна? Мы же договаривались...

Сердце сжалось от дурного предчувствия, и Тайка разозлилась сама на себя: еще не хватало и в самом деле сглазить! Вечерами вся дивнозёрская молодежь гуляет по деревне, и ничего.

Дед Федор нахмурился:

– Ты не сердчай, Таюша. Маришка девочка хорошая, просто с характером. Не хотела в деревню ехать. Я еле уболтал, мол, ведьму настоящую покажу. Да, кажись, сболтнул лишнего. Уж прости старика... А вообще она у нас отличница: на второй курс с одними пятерками перешла. И в хоре поет – заслушаешься. С детства сплошные конкурсы, грамоты, гастроли...

– Может, она на лавочках? Там ребята всегда с гитарой сидят.

Лавочки стояли в самом конце улицы, ближе к оврагу, под двумя скрещенными берегами, и вечерами вся молодежь стекалась туда. Прежде Тайка тоже к ним заходила послушать песни, но в последнее время недосуг было. Раз отказалась, другой – а на третий и звать перестали.

– Сходи, моя хорошая, посмотри. А то волнуясь я. Только Маришке не говори, а то начнет ругаться: мол, не следи за мной, дед, я уже взрослая. А я разве ж спорю? Но стариковскому сердцу не прикажешь: и за больших, и за малых дрожит, как заячий хвост, – дед Федор закашлялся.

– Все будет в порядке, – Тайка через силу улыбнулась.

Да что ж такое? Ладони вдруг вспотели, а по спине пробежали мурашки.

Неужто и впрямь предчувствие?

– Да и тебе полезно развеяться, – старик выпустил кольцо табачного дыма. – А то, как стала хранильницей, все дома сидишь. Потом жалеть будешь, что не гуляла, пока гулялось. Я-то вон уже не могу. Эх, молодо-зелено...

* * *

Предчувствие не обмануло: на лавочках Маришки не оказалось. А Леха, местный заводила, сплюнув на землю шелуху от семечек, пожал плечами:

– Городская, что ль? Была тут, ага. Ушла потом с парнем.

– Что за парень? – Тайка насторожилась.

– А я почему знаю? – фыркнул Леха. – Белобрысый какой-то. Не наш. Я думал, они вместе приехали... Эй, куда ты? Посиди с нами. Совсем запропала.

– В другой раз, ладно?

Тайка направилась к излуине, где обычно сидели парочки, но на берегу было тихо. Маришка с кавалером как в воду канули.

Тайка заволновалась: а ну как утопли? Речку не зря прозвали Жуть-река – вроде неширокая и мелкая, но коварная: вода в ней не прогревалась даже летом, слишком уж много было холодных ключей и омутов.

Сняв босоножки, Тайка зашла в ледяную воду по щиколотку, прошептала нужные слова, которым бабка научила, сняла с руки нитяной браслет и пустила вниз по течению.

«Шлеп!» – будто рыба хвостом плеснула – в пяти шагах от Тайки над водой появилась голова мавки Майи. Та ловко выбралась на корягу и зубами затянула браслет на запястье.

– Спасибо за подарочек. Зачем звала, ведьма?

– Подруга пропала. В голубом платье, светленькая, волосы как пух. Зовут Мариной. Не встречала?

– Не-а, – Майя болтала ногами в воде. – Этим летом еще никто не утонул. Значит, осень будет сырая да дождливая.

Тайка поежилась: ох уж эти мавкины приметы... Но не утонули – и ладно. Может, в поле или в лес пошли. Наверное, лучше пока прекратить поиски. Третий – лишний, как говорится. Вот если к утру не вернутся, тогда придётся лесавок выкликать, спрашивать, не заблудился ли кто.

Вспомнив о лесных обитателях, Тайка не могла не вспомнить и о дивьем, которого видела на празднике.

– Слушай, а та поляна, где вырос цветок папоротника... сможешь ее снова найти?

– Зачем тебе? – Майя вытянула из волос нить водорослей. – Он никогда не вырастает дважды в одном месте. Да и не сезон уже.

– Там был чужак, он что-то посадил в землю, и я хочу узнать что. – Ноги стыли, но Тайка не спешила выходить из воды.

– А что, сама не найдешь? – мавка усмехнулась.

«А еще ведьма, называется», – ожидала услышать Тайка, но Майя если что-то подобное и думала, то вслух говорить не стала.

– Ладно, я за тобой с утречка зайду. А то сейчас тащиться поздно: пока дойдём, совсем стемнеет, и ты ничего не увидишь. Нынче облачно, ночи тёмные.

Она махнула рукой с перепонками между пальцев и беззвучно ушла под воду. А Тайка, подобрав босоножки, поплелась домой.

У калитки возле дома деда Федора она увидела Маришку. Та стояла, прислонившись спиной к забору, и глядела в небо, вздыхая. Ветер развеивал ее волосы, похожие на тополиный пух. Заслышав шаги, она вздрогнула и обернулась:

– Ой, это ты? А я думала, Мир вернулся.

– Какой еще Мир? – Тайка подняла бровь.

– Ну, Мирослав, наверное. Или, может, Владимир. Я полное имя не спрашивала. Когда тебя не дождалась, пошла сама на лавочки к ребятам, а там – он. Мы посидели немного и ушли гулять, завтра еще пойдем... Он такой классный, рассказывает интересно. А как узнал, что я пою, сразу захотел послушать.

– И где вы были?

– Да тут, недалеко гуляли: по кромке леса вдоль реки.

Странно, Тайка искала их там же... Ночной лес мог скрыть все, что угодно, но пение разнеслось бы по реке на милю вокруг.

– А познакомишь меня с Миром?

Маришка прищурилась:

– Он сказал, что знает тебя, а ты его, выходит, нет? Что за шутки? Он что, твой бывший?

– Нет, что ты! Я его просто не запомнила, наверное.

Маришка все еще косилась на нее с недоверием.

– Если бы ты его встретила – никогда бы не забыла. Так что либо не видела, либо врешь. Спокойной ночи.

Она хлопнула калиткой, оставив Тайку в недоумении: что бы все это значило? Может, летун-перелистник Маришке встретился? Эти змеи подколенные умеют морочить девкам головы, перекидываясь в парней – в знакомого, если кого-то ждешь, или в незнакомого, какого мечтаешь встретить. Вот только всех перелистников еще старая ведьма Таисья извела вместе со змеенышами, чтобы не пакостили. Неужто один все же остался?

* * *

– Пушок, ты не помнишь, чего не любят перелистники?

В бабкиных записях о змеях подколенных ничего не нашлось, и Тайке пришлось обратиться к эксперту.

Коловерша перестал вылизываться и поднял уши торчком:

– Три эскимо!

– В смысле? Их можно отпугнуть мороженым?

– Что? А, нет... – коловерша заухал: так он смеялся. – Это плата, за которую я отвечу на твой вопрос.

– Ах ты, вымогатель пернатый!

– Тая, ничего личного – это бизнес, – коловерша распушился: ему казалось, что так он выглядит более внушительно.

Тайка вздохнула, помешивая ложкой суп:

– Ладно, будет тебе три эскимо, гангстер недоделанный. Говори уже!

Пушок облизал усы, предвкушая лакомство:

– Это же змеи. Они не любят шум, запах чеснока и собачьей шерсти.

– Так просто? Чеснок у нас на участке растет. Шерсть можно у Аленки выпросить: она своего Снежка каждый день вычесывает. А вот шум... Это что же, надо будет орать и ногами топтать?

Пушок насмешливо сощурился:

– Тая, это неизящно. Твоя бабушка, к примеру, включала перелистникам «Металлику»!

* * *

Весь следующий день Тайка мастерила для Маришки оберег, вот только та его не взяла:

– Фу, убери. Воняет!

– Оно и должно вонять, это для...

– У меня аллергия на чеснок, – Маришка сунула пахучий мешочек обратно Тайке, а когда та не взяла, швырнула его в кусты. – И выруби эту ужасную музыку.

– Эй, так нельзя!

Тайка, охая, втянула руки в рукава и полезла в высокую крапиву. Кусачие стебли жалили даже сквозь рубашку, на плечах вздулись красные полосы. Когда же она вылезла, сжимая в кулаке свой оберег, Маришки уже и след простыл.

На опустевшей лавочке хрипела Тайкина колонка: кажется, в ней садились батарейки. А на том конце улицы две едва различимые фигуры уходили вдаль, и дурное предчувствие вновь нахлынуло душной волной. Тайка бросилась за ними, но, увы, не догнала. Оставалось только махнуть рукой и вернуться. Если человек не хочет, чтобы его спасали, что тут поделаешь? За навязанную помощь никто спасибо не скажет. А может, зря она переполошилась? Перелист-

ников бабушка давно вывела, а местная нечисть хоть и озорничает, но людей не губит. Так, разве что пугает немного... да, наверняка всё обойдётся.

Мало помалу Тайка успокоилась и занялась домашними делами, а на закате к ней приковылял дед Федор – раскрасневшийся, с трясущимися руками и бородой:

– Беда у нас, Таюша. Маришка моя вернулась с гулянки и слова сказать не может. Лишь мычит и плачет. Околдовали ее, не иначе.

Ох, не обошлось. Тайка, вздохнув, накинула на плечи вязаную кофту и пошла разбираться.

Старик не соврал: Маришка в самом деле мычала, размазывая тушь по щекам. Вся комната пропахла валерьянкой.

– Это Мир сделал? – Тайка тряхнула ее за плечи, и Маришка закивала.

– Он при тебе в змея не превращался? Так да или нет? Ничего не понимаю...

Дед Федор сунул внучке в руки бумагу и карандаш. Та ухватилась за него, словно утопающий за соломинку, но буквы плясали, не желая складываться в слова. Грифель, хрустнув, сломался.

И тут Тайку осенило:

– Не можешь писать – рисуй! Где его найти?

Маришка хлюпнула носом и, закусив губу, взяла другой карандаш. Она нарисовала знакомое Тайке дерево – старый вяз с дуплом-расселиной: один из известных ходов в дивье царство. Не тот, что у оврага, а дальний. Ишь, куда они угуляли: в самую чашу леса.

– Не плачь. Я обязательно найду этого Мира и заставлю его тебя расколдовать! – напоследок ободряюще улыбнувшись, Тайка выбежала из дома.

Она неслась к дереву, едва не теряя по пути босоножки. Кофта сползла с плеч, волосы растрепались. Оберег с чесноком и собачьей шерстью чуть не выскользнул из вспотевшей ладони. Только бы успеть, пока перелистник не рассыпался искрами.

Спотыкнувшись о кочку, она выкатилась на заветную поляну. Идти стало совсем тяжело: ноги путались в высокой траве. А волшебное дерево было уже близко, и дупло слабо светилось в ночи. Там точно кто-то был. Неужели, уйдёт?

– Мир! – закричала Тайка что было мочи. – А ну стой, подлец ты этакий!

Кусты зашевелились, и навстречу ей вышел белоснежный крылатый пес. Ух, и здоровенный! Куда больше Снежка. Оскалившись, он зарычал на Тайку, и та присела, цепenea. Хотелось бежать прочь, но ноги не слушались.

Симаргл подошел ближе и ткнулся носом в ладонь с оберегом. Почуял, видать, запах своего щенка... может, теперь не укусит?

– Меня звала?

Из темноты вдруг появился тот самый парень из дивьих, которого Тайка встретила в купальскую ночь на папоротниковой поляне. К его ноге жалась вторая собака – обычная овчарка. Тайка узнала Джульку.

– Это ты, что ли, Мир? – Она рассмеялась, стараясь не показать страха.

– Вообще-то Яромир, – он отозвал симаргла щелчком пальцев. – Чего хочешь, ведьма?

Тайка, зажмурившись, выпалила:

– А ну быстро вернул то, что взял!

– И не подумая. Певунья отдала голос по доброй воле. Я спросил, она сказала «да», все по-честному, – его глаза сверкнули зелено.

Ох, совсем не о такой встрече с дивьим мальчиком мечтала Тайка. Этот был какой-то неправильный. Вредный. Но выбирать не приходилось.

Нагнувшись, она подобрала в траве белое перо из крыла симаргла.

– Будешь перечить – закрою тебе путь в Дивнозёрье навек. Уж это в моих силах – бабка научила. Куда хозяин, туда и пес, так ведь у вас говорят?

Она блефовала, конечно. Но это подействовало. Яромир, нахмурившись, сжал кулаки.

– А ты не так проста, как кажется... давай сговоримся подобра? – Он протянул раскрытую ладонь с россыпью зеленых камней. – Твоя певунья сможет продать эти изумруды и безбедно жить до самой старости.

– Нет! – Тайка мотнула головой.

– Упрямица! – Яромир спрятал самоцветы в карман. – Хочешь, покажу тебе дивье царство, чтобы ты от меня отстала?

Вышла луна, и Тайке наконец-то удалось рассмотреть его получше: широкоплечий, остроухий, волосы длинные, светлые, перехвачены на лбу плетеным ремешком. Он был одет в вышитую рубаху цвета молодой травы, из-под которой виднелся алый подол. Рукава перевиты кожаными обмотками, на поясе меч. Значит, дивий воин. Стало еще страшнее: такой убьет – недорого возьмет. Сердце забилося часто, как у птички.

– Покажешь, как же... В дупло заглянуть я и сама могу, а дальше все равно ходу нет.

– И в кого ты такая смышленная?

– В бабушку Таисью, в кого ж еще!

Услышав эти слова, Яромир побледнел.

– погоди... ты, что ли, внучка царицы Таисьи? – Он ткнул пальцем в медный пятак, висящий у нее на шее на шнурочке.

Тайка разинула рот.

Нет, она и прежде догадывалась, что помолодевшая в одну ночь бабушка отправилась в Дивье царство не чаи гонять. Но одно дело догадываться, и совсем другое – узнать, что твоя бабушка теперь настоящая царица. Обалдеть!

– То-то я чую дивью кровь... – Яромир наметил поклон и отступил на шаг, поближе к вязовому дуплу.

– Э, нет, так не пойдет. От меня не следишь! – Тайка ухватила его за рукав. – У меня не только бабушка – царица. Ваш царь вообще-то мой дедушка. Стало быть, я дивья царевна. И приказываю тебе отдать Маришке ее голос!

– Да забирай, – огрызнулся Яромир и, вложив ей в руку теплый кусочек янтаря, вырвался из цепких пальцев. – Ничего ты не понимаешь, дивья царевна!

– Так объясни.

Но он, развернувшись, шагнул во тьму и исчез в расселине дерева. Следом за ним прыгнули и собаки. А Тайка еще долго глядела им вслед...

Домой она заявила под утро. На крыльце клевал носом домовая Никифор с надкушенным яблоком в руке. На его плече крепко спал Пушок.

Тайка стала было оправдываться, но Никифор ее остановил:

– Не нужно, Таюшка-хозяюшка. Ты уже не маленькая, никто не станет тебя журить, что к полуночи не вернулась. Тем более, что по ведьминским делам ходила – а энтó святое. Мы с Пушком волновались, конешн. Но главное, что ты в добром здравии. Кстати, пока тебя тут не было, Майя заходила.

– Ой, я совсем забыла, – Тайка всплеснула руками. – Как неудобно.

– Восточку тебе оставила, – Никифор огладил пышную бороду. – Мол, нашла нужную поляну, место отметила зачарованным камнем, так что не промахнешься. А вот что там растет – тебе самой лучше увидеть. Словами это не передать.

Ну всё, теперь Тайка сгорала от любопытства: что ещё учудил этот Яромир? Но прежде, чем бежать на заветную поляну, нужно было хоть немного вздремнуть: после бессонной ночи она с ног валилась. А ещё – не забыть вернуть Маришка янтарь, а вместе с ним и украденный голос. С этого Тайка и решила начать.

* * *

Как ни странно, первым делом Маришка извинилась:

– Прости, я больше никогда не буду над тобой смеяться.

– Значит, поверила в чудеса?

– Ещё бы... а еще поняла, что чудеса чудесам рознь. И если оберег дают, то надо брать и не выпендриваться. Слушай, а это только в Дивнозёрье, или у нас в городе тоже можно нечисть встретить?

– Везде можно, – кивнула Тайка. – Просто у нас тут соседусшек больше. Оттого, и волшебства тоже больше. Но на самом деле чудеса случаются, где угодно. Особенно, если веришь и ждёшь.

– Не уверена, что жду чего-то подобного, – поёжилась Маришка.

– Кстати, как ты умудрилась отдать Яромиру голос? И он случайно не говорил, зачем ему это?

– Я смутно, помню, что было. Всё как будто бы в тумане. Сперва он вроде расспрашивал, кто я, чем занимаюсь. Насмешил меня пару раз.

– Чем?

– Да говорю же, не помню. Наверное, вопросами своими странными. Я же не знала, что он не из нашего мира. Думала, прикалывается. Решила похвастаться – песню ему спела. Он сказал, что это очень красиво. И что я напомнила ему сестру. Она тоже была певунья, хоть куда. Но, увы, потеряла голос и больше не поёт. А дальше как-то слово за слово, и привет. Я без голоса, а его и след простыл.

– Задурил тебе голову, значит? Обманул? – нахмурилась Тайка.

– Скорее, я сама обманулась. Приняла его интерес за ухаживания и потеряла голову.

– Ты его ещё и выгораживаешь! – возмущению Тайки не было предела.

Маришка не стала спорить. Вместо этого оглянулась на спящего в кресле деда Фёдора и зашептала:

– Слушай, я там в подвале, кажется, напортила. Зашла за огурчиками, вижу – чеснок на полу валяется. Ну и подмела: ты ж помнишь, у меня аллергия. И вдруг какая-то тень заметалась под ногами и прыгнула в окно. Это очень плохо?

Тайка ахнула: никак упырь сбежал! Теперь же его ловить придется!

– Н-нет, все в порядке. – Уж лучше Маришке было не знать, что она натворила.

А та вдруг спросила:

– А Мир не говорил, он еще придет?

Тайка пожала плечами, и тайком погладила перо симаргла в кармане. Интуиция подсказывала: придёт, куда он денется. И уж в следующий раз не отвертится, всё расскажет, как миленький. Тут, между прочим, заповедный край, а не проходной двор!

– Если увидишь, передай, что я его не забыла. И простила. Давай, я тебе скину свой номер... хотя, как он мне позвонит? У него, небось, и мобилки нет, – Маришка покраснела.

М-да, а немоту оказалось вылечить проще, чем влюбленность...

Впрочем, в одном Тайка была с ней согласна: такого красавчика раз увидишь – век не забудешь. Ох уж эти дивьи! Одна морока с ними.

Глава шестая. Ни человек, ни птица

В делах и заботах дни проносились быстрее, чем стрижи над крышей. Не успела Тайка оглянуться – а уже половина лета миновала. И после томного июльского затишья жизнь в Дивнозёрье забурилась, как молоко в кастрюльке: того и гляди, упустишь.

Больше всего Тайку беспокоил сбежавший упырь. Прежде тот мирно спал в подвале у деда Федора и откапывался лишь по весне (наверняка из-за половодья) и иногда еще по осени, когда крики улетающих птиц становились особенно тоскливыми. В другое время обычный – даже не заговоренный – чеснок помогал на ура. А давеча Маришка навела порядок в доме, тут упыря и след простыл. Но Тайка знала: тот не сможет долго прятаться. Жрать захочет – вылезет. Значит, придётся следить, чтоб этот гад кого-нибудь до смерти не заел... Эх, упокоить бы его с концами. Но для этого надо было узнать, в какой могиле лежат его косточки, а об этом хитрый упырь распространяться не спешил.

Еще Тайку тревожили незванные гости из дивьего царства. Точнее, один гость – Яромир. Сегодня она как раз собиралась отправиться в лес, чтобы взглянуть, что этот умник посадил на поляне, и отчего так разволновалась мавка Майя.

От раздумий ее оторвал Пушок. Приземлился на стол, прошелся по краю, громко цокая совиными когтями, и положил перед Тайкой яблоко:

– Белый налив. Попробуй, уже поспело?

– А ты все ждешь, когда можно будет объесть сад? – Тайка надкусила желтоватый бок.

– Вот сейчас обидно было. Как урожай собирать, так «Пушок, взлети повыше, я не достаю», а как пробу снять, так не трожь, – коловерша скорбно пошевелил усами. – Я, может, от сердца отрываю. Эх, лучше бы сам слопал. Никто не ценит мою заботу...

– Я ценю, – Тайка почесала его за ухом, и Пушок заурчал.

– Мр-р, слушай, а когда ты, мр-р, пойдешь за заповедную, мр-р, поляну?

– Да вот после завтрака как раз собираюсь.

– Я с тобой! А то мало ли что.

– Спасешь меня от лесной малины? – усмехнулась Тайка.

– Между прочим, в малине может быть медведь, – Пушок наставительно поднял коготь.

– Поэтому с нами пойдут Аленка и ее пес. Ни один дикий зверь не нападет на симаргла, даже если тот еще щенок, – Тайка потянулась, чтобы снова погладить коловершу, но тот увернулся и закатил глаза:

– Я так и знал! Ненавижу песье племя! Могла бы меня сначала спросить, а потом уже их приглашать. Но мое мнение в этом доме, похоже, не учитывается. Фу такой быть, Тая! Фу!

Бухтеть он перестал только после вазочки протёртой клубники с сахаром. И на заповедную поляну все-таки полетел – искушение малиной оказалось слишком велико – но где-то на полпути затерялся в придорожных кустах.

Снежок с веселым лаем гонял птиц на поле, но в лесу вдруг притих и пошел рядом.

– Давай возьмемся за руки, а то тут тропка водит, – Аленка ухватила Тайку за рукав.

Даром что восьмилетка, а посмышленее многих взрослых будет. Рядом с ней даже Тайка порой ощущала себя несерьезной.

С тех пор как щенок симаргла выбрал Аленку своей хозяйкой, та узнала всю правду о Дивнозёрье. Засилье нечисти ее не испугало, а, наоборот, пробудило жгучее любопытство. Там, где ей не дано было увидеть чудеса собственными глазами, она приноровилась смотреть глазами Снежка и так замучила Тайку вопросами, что та смирилась и стала брать Аленку с собой. В конце концов, любой ведьме пригодится помощница. Да и вместе веселее.

– Откуда знаешь, что водит?

– Снежок сказал.

Тайка была уверена, что пес все это время молчал. Должно быть, он уже научился общаться с хозяйкой мысленно.

– Так вот почему раньше я не могла эту полянку найти! Но теперь точно с пути не собьёмся: мне Майя мавкин камень дала, зачарованный. А второй такой же оставила на поляне – как бы тропка ни петляла, а камни друг к другу притянутся, – Тайка придержала ветку, перелезая через замшелое бревно.

– Ух ты! – Аленкины глаза загорелись. – Прямо как волшебный магнит.

– Да, что-то вроде.

Камень в кулаке стал теплым – значит, они были уже совсем рядом. Тайка подняла руку, и ее потянуло напрямик в заросли малины, из которых неожиданно выскочил Пушок – весь в ягодном соке, с очумелыми глазами:

– Пожар! Летим отсюда!

Сердце ухнуло в пятки. Огонь в лесу распространяется быстро. И ветер сегодня сильный. Им ни за что не успеть.

– Ален, бежим. Говорят, там впереди огонь, – Тайке пришлось перевести, ведь ее подруга не понимала, что говорит Пушок.

Но симаргл не сдвинулся с места, и Аленка тоже.

– Если пожар, то почему дымом не пахнет?

– Но я сам видел! – Пушок захлопал крыльями. – Честное коловершьё!

Тайка принялась и признала, что Аленка права. В лесу было свежо, пахло грибами и травами.

– Может, морок? Пойдем-ка посмотрим, – она шагнула в малинник, и заросли сами расступились, открывая путь. А камень уже обжигал пальцы.

Тайка сделала еще шаг и оказалась на уже знакомой заповедной поляне – той, где густой папоротник рос тремя колдовскими кругами. Но кое-что изменилось: в самом центре вымахал огромный – выше человеческого роста – подсолнух. Да не простой: это его лепестки, похожие на языки пламени, Пушок сослепу принял за лесной пожар.

– Ух ты! – Аленка, засмотревшись налетела на Тайку сзади. – Красотища какая. А что это?

– Жар-цвет, – буркнул коловерща, спрятав морду под крыло: наверное, ему было стыдно за недавний переполох.

Тайка повторила название цветка для Аленки.

– А это хорошо или плохо, что он здесь вырос? – нахмурилась та.

Тайка пожала плечами. Ясно было одно: просто для красоты такой сажать не станут.

А симаргл вдруг припал к земле, прижав уши; девочки на всякий случай последовали его примеру, последним в папоротники нырнул Пушок.

– А что это вы?..

– Тише! – Тайка притянула его к себе – и вовремя.

Огненный цветок вдруг полыхнул и выбросил семена. Откуда ни возьмись, налетела целая туча птиц – наверное, сотни три, не меньше – и давай их клевать!

– Смотри, – Аленка указала чуть в сторону, – там горлица странная какая-то... Снежок говорит, не наша, из дивых.

Тайка проследила за ее пальцем и ахнула. Вот уж точно – «не наша». У птицы, подбиравшей зерна в стороне от галдящей стаи, были не только пестрые крылья, и красноватая грудка, но красивое девичье лицо. А ещё – торчавшие в разные стороны золотые волосы. Кого-то она Тайке напоминала... понять бы еще кого именно.

– Ишь, глазастая! Я бы сама ни за что не заметила.

– Я бы тоже, – Аленка улыбнулась. – Это все Снежок. Он говорит, мы должны ее поймать.

– Зачем?

Тайка сперва спросила и только потом поняла: дивья птица выглядела нездоровой. Она то и дело прикрывала зеленоватые глаза и поджимала лапку. Подбирать семена жар-цвета ей тоже было нелегко: другие птицы – более сильные и проворные – выхватывали корм прямо у нее из рта. Какая-то ворона погналась за бедняжкой, и Тайка увидела, что горлица сильно хромает. Нужно было ее выручать.

– Пушок, отвлеки ворону.

Коловершу не пришлось просить дважды. Разогнав воробьев и овсянок, он спикировал на ворону сверху.

– Отвали, каркуша! Это наша птичка!

Горлица не была с ним согласна и попробовала было упорхнуть, но сломанная лапка не давала толком разбежаться. В этот миг Тайка, подкравшись, накрыла ее джинсовой курткой. И тут Снежок, залаяв, ворвался прямо в стаю. «Фр-р-р!» – птицы разлетелись в разные стороны. Тайка прижала к груди трепыхающуюся ношу и шикнула на симаргла.

– Ты что творишь, хулиган кудлатый?

– Не ругай его, – Аленка подозвала Снежка свистом. – Он все это время держался как мог. Очень любит птиц гонять, озорник.

На Тайкино плечо вернулся гордый Пушок, из рта у него торчали пух и перья.

– Тая, ты видела? Как я ей наподдал, ух! Она такая: «кар!» – и клювом меня, а я...

– У тебя кровь, – перебила Тайка.

– Ох, где? – Коловерша попытался изобразить обморок.

– Вот тут, за ухом. Давай подорожник приложим?

Пушок вздохнул:

– Эх, а в былые времена героев войны не подорожником встречали! Ну да ладно, забей. Надеюсь, что я пострадал не зря и эта глупая пичужка того стоит.

* * *

О лечении птиц Тайка кое-что знала: не раз видела, как бабушка управлялась с курами, а в детстве, мечтая стать ветеринаром, много расспрашивала соседку – маму Шурика: та как раз работала в клинике.

Пока Аленка держала горлицу, Тайка накладывала шину из картонки и клеила пластырь. Подвес соорудили из старой Аленкиной панамы, проделав в ней дырки для ног.

Горлица сперва дрожала, но вскоре успокоилась. Наверное, поняла, что ей не хотят навредить. За все время она не проронила ни звука, лишь морщилась и кусала губы, когда Тайка бинтовала лапку.

– А что она ест? – Аленка с интересом рассматривала диковинную птицу.

– Я схожу, соберу еще зерен жар-цвета. А пока дам ей попить.

Тайка достала из аптечки пипетку и уронила горлице на губы несколько капель воды. Нет, все-таки ну на кого же она так похожа?

– Слушай, а вообще много таких в Дивьем царстве? – Аленка одним пальчиком погладила горлицу по крылу, та вдруг оскалилась, и девочка отдернула руку.

– Может, не много, но встречаются. Бабушка рассказывала про сирина и алконоста. У них тоже человечьи лица, но сами птицы размером с тетерева или даже больше. Сирин всегда грустит и плачет, алконост, наоборот, радуется и смеется. А наша молчит. Неправильная какая-то...

Горлица скривилась.

– Тай, мне кажется, она тебя понимает... – шепнула Аленка.

– Наверное, просто совпадение. Хоть она и дивья, а все же птица.

Горлица показала язык и отвернулась.

– Тоже совпадение? – усмехнулась Аленка.

Тайка не нашлась, что ответить. Было ясно одно: одним ветеринаром им не обойтись. Тут чародея бы...

* * *

– Хозяйка, просыпайся, беда! – Домовой Никифор тряс ее за плечо.

За окном стояла глухая ночь. Тайка вскрикнула спросонья, а домовый приложил палец к губам.

– Ш-ш-ш, в доме чужак. Окно распахнуто, и половицы скрипят, будто ходит кто. Я из подпола высунулся – и вдруг таким холодом повеяло, будто зима настала. А вечер-то жаркий был... Может, зря ты эту птицу дивью в дом притащила?

– Пойдем посмотрим. – У Тайки застучали зубы. – Вдвоем не так страшно. Где Пушок?

– Дрыхнет небось, – Никифор вцепился мохнатыми лапами в ее руку. – Его и пушками не разбудишь. Пф, охранничек...

Тайка огляделась: взгляд упал на удочку, стоящую в углу. За неимением лучшего схватила хотя бы ее и помчалась на кухню. Никифор бросился следом.

– Только свет сразу включи, хозяйюшка. Ночные твари не любят его, боятся.

Тайка последовала совету домового. Ворвалась, щелкнула выключателем и встала на пороге, воинственно потрясая удочкой.

– Кто здесь?

Никифор ничуть не преувеличил: в лицо и впрямь дохнуло холодом. В пяти шагах от нее маячила скрюченная фигура в черных лохмотьях: это был не кто иной, как сбежавший упырь. В его костлявых руках, беззвучно крича, билась горлица.

– А ну стой, гад! – Тайка хлестнула удочкой наугад, да так удачно, что упырь, схватившись за ухо, выпустил птицу и взвыл.

Никифор успел подхватить горлицу и закатиться с ней под стол, а из-за печки вылетел разбуженный Пушок.

– Караул! Грабят! – Он вцепился когтями в упыриную плешь.

Тут Тайка вспомнила, что она как-никак ведьма, а не просто маленькая напуганная девочка, сложила пальцы особым способом и зашептала. Эх, жаль, водицы наговоренной нет, а до чеснока в ящике не добратся.

Упыря скрючило, но ненадолго: сверкнув алыми глазищами, он сграбастал Пушка когтистой лапой, отцепил от себя и отшвырнул прочь, а потом пошел прямо на Тайку. Длинным, как у змеи, языком он облизал тонкие губы и издал гадкий скрипучий звук – Тайка не сразу поняла, что это смех.

– Силенок у тебя маловато супротив меня, ведьма. А ты молодая... вкусная, небось.

Он протянул худосочную руку и вырвал у Тайки удочку.

– Подавишься! – Тайка нашарила на столе пакетик с приправой для курицы. Интересно, есть ли в её составе чеснок? Вот сейчас и узнаем...

В этот миг с улицы донесся собачий лай, и в раскрытое окно, расправив крылья, впрыгнул Снежок. Храбрый щенок зарычал на упыря, и тот на негнущихся коленях попятился.

– Не может быть! Откуда у тебя симаргл?

– Оттуда, – на подоконник вскарабкалась Аленка. – Снежочек, взять!

Пес цапнул незваного гостя за ногу, но ухватил лишь лохмотья. Ветхая ткань треснула. Упырь завопил, бросился во второе – закрытое – окно, пробив его собой, и исчез в ночной тьме под звон осколков.

– Уф, – Тайка выдохнула. – Спасибо, Аленушка, выручила.

– Не мне, а Снежку спасибо. Вот кто настоящий герой.

Хорошо, что коловерша лежал в обмороке и не слышал этих слов.

Никифор вылез из-под стола и протянул Тайке горлицу в панаме.

– Береги ее, хозяйюшка, как зеницу ока. Чую, непростая птица. И упырь энтот за ней еще вернется.

Тайка отобрала у Снежка обрывок упыриной мантии и показала горлице:

– Узнаешь?

Та покачала головой.

– Хм... странно. А я думала, может, старый враг... Ну да ладно, у нас к нему свои счета. Давайте поймаем гада и допросим!

* * *

Весь день, пока симаргл после ночных подвигов сладко посапывал под диваном, Тайка читала бабушкины записки про упырей, Аленка бегала в магазин, Никифор готовил макароны, Пушок страдал – в общем, все были при деле.

К вечеру дом превратился в настоящую противопыриную крепость: всюду висели связки чеснока и обереги, заговоренной водицей наполнили не только кастрюли, но даже умывальник. И только разбитое окно оставили без защиты: упырь как раз в него полезет – и попадет прямо в западню. Горлица, наблюдавшая за этими приготовлениями, беззвучно вздыхала и порой закатывала глаза. Ишь какая! Весь переполох, можно сказать, из-за неё, а она ещё и недовольна!

Караулить они условились парами, первая половина ночи досталась Тайке с Пушком. Свет, конечно, пришлось погасить, но коловерша прекрасно видел и в темноте.

Упырь не заставил себя ждать. Едва пробил полночь, пустая оконная рама скрипнула и в проеме показался темный силуэт. Он спрыгнул с подоконника, крадучись, пошел к горлице, и...

– Мочи гада! – Пушок ударился всем телом о выключатель, а Тайка врубил велосипедную фару.

Ночной гость вскрикнул и шарахнулся, уронив со стола вазу с цветами:

– Проклятье!

Тайка узнала голос. Это был вовсе не упырь, а Яромир – тот самый дивий воин, посадивший жар-цвет.

Она спрятала за спину связку чеснока и серебряный ножик.

– Эй, а где упырь?

– Какой упырь? – Яромир протянул руку к горлице, и та, закрыв глаза, прильнула к его ладони.

– А, неважно. Вы что, знакомы с нашей птичкой?

Он рассмеялся:

– С вашей птичкой? Да, почитай, с детства. Это вовсе не птица, а моя сестра Радмила – великая дева-воительница дивьего царства.

– Ее заколдовали, что ли? – Наконец-то Тайка поняла, кого напоминала ей горлица.

– Да, Радмила стала жертвой могущественного заклинания. Я долго искал её и не мог найти ее, пока знающие чародей не посоветовали сделать приманку из Жар-цвета. Мол, как созреют семена – все лесные птахи на них слетятся. А вы увели Радмилу у меня прямо из-под носа.

– Ясно. И как же ее расколдовать?

– А ты помочь желаешь, что ли?

Тайка, затаив дыхание, кивнула, а дивий воин снова усмехнулся:

– Нос не дорос. Упыря своего лучше лови!

– Между прочим, если бы не я, от твоей сестры прошлой ночью одни пёрышки остались бы! – Тайка обиженно шмыгнула носом.

Горлица в подтверждение этих слов склонила взъерошенную голову, И Яромир, помедлив, тоже поклонился Тайке:

– В таком случае, благодарю тебя, дивья царевна.

Вроде и с почтением говорил, а в голосе все равно чудилась насмешка. Вот же несносный тип!

– А кто ее заколдовал?

– Не твоего ума дело, – он пошел к двери.

Еще и скрытый.

– Но я же правда хочу помочь! – Тайка ухватила его за расшитый рукав рубахи. – Ты в на моей земле. В моём доме. Отвечай!

Яромир обернулся через плечо:

– Я спешу, – вырваться он не стал. – Зачем тебе все это?

А Тайка и сама не знала зачем. Так уж ей подсказывало сердце... Смутившись, она разжала пальцы и опустила взгляд.

В дверь вдруг отчаянно заколотили.

– Ведьмушка, просыпайся! – Зычный голос Грини – местного лешего – нельзя было перепутать ни с чьим другим. – Беда приключилась! Вязовые дупла закрылись. Ни туда, ни оттуда ходу больше нет.

– Как так? – Яромир побледнел.

– Похоже, теперь ты никуда не торопишься, и мы все-таки сможем поговорить. Чайку? Или, может, сразу валокордину? – Тайка не удержалась от нервного смеха.

Но, по правде говоря, ей было отнюдь не весело.

Глава седьмая. Хозяин волшебства

Дивнозёрье всегда было особенным местом. Грань между потусторонним и проявленным мирами была здесь настолько тонка, что волшебство стало неотъемлемой частью жизни. Но вдруг в один день все переменялось: вязовые дупла, служившие проходами из Дивьего царства в мир людей, закрылись, а все шишки тут же посыпались на несчастную ведьму-хранительницу. Мол, не уберегла, не уследила. А вот при Семеновне такого не было! Это не свои, это банник Серафим в сердцах ляпнул. Он всегда славился вредным характером, но от этого было не легче.

От сравнений с бабушкой у Тайки аж внутри все переворачивалось. Хуже всего, что она сама себя винила, хотя казалось бы, она-то тут причём?

Нужно было поскорее выяснить, почему закрылись дупла, почитать бабушкину тетрадку... но как тут сосредоточиться, когда вся нечисть Дивнозёрья собралась у тебя на кухне и галдит, не переставая?

– Ох, беда! – громче всех причитал Пушок. – Все теперь, не вернешься в родной край.

– А ты там хоть раз бывал после того, как тебя подобрали, обогрели и приютили, а? – фыркнул Никифор. – Здесь твой дом, оглоед. Постыдился бы!

Леший Гриня поднялся во весь могучий рост и стукнул кулаком по столу:

– Никифор прав! Дом наш давно уж здесь. Не в том беда, что больше не попасть в Дивье царство, – он понизил голос до шепота, – а в другом. Вы пробовали поколдовать?

– Охохонюшки, значит, не только у меня не получается! – прогнусавил кто-то из овинников.

Лохматый банник Серафим тут же защелкал пальцами, пытаясь поджечь огарок свечи, но искры вышли такими слабыми, что фитиль не загорелся. А вскоре даже искрить перестало.

– А у меня чешуя облазит, – пропищала юная водяница, чьего имени Тайка не знала, но ее жалобы потонули в общем гомоне.

Все стали шептать, петь, улюлюкать, визжать, шелкать пальцами, вертеться волчком, греметь желудями – словом, колдовать по-своему, кто как умел. Водяница зарыдала, упав на грудь мавке Майе. Та смочила тряпицу в кувшине с водой и шлепнула ею по лбу подруги.

– Остынь, малохольная.

– Не шумите! – Тайка не слышала себя. – Успокойтесь!

Гриня стучал по столу так, что отбил кулак, но тщетно.

– А ну тихо! – От голоса Яромира зазвенело в ушах.

Кавардак вмиг прекратился, некоторые даже вытянулись во фрунт. Пушок же зашипел Тайке на ухо:

– Разузнал я тут кой-чего: этот пришлый у самого Дивьего царя в дружине служит. Воевода, или что-то в этом роде. Ишь, раскомандовался!

– Откуда знаешь?

– Да слышал, как он Марьяне хвастался.

Тайка, откашлявшись, поспешила воспользоваться воцарившейся тишиной.

– Во-первых, мы не знаем, почему закрылись дупла. Может быть, они скоро сами откроются. А во-вторых, мои обереги действуют – значит, не пропадем. Уверена, ваша сила тоже вернется.

– Придется тебе делать обереги не от нас, а для нас, – нервно хихикнула востроносая кикимора Кира.

Кира была ловкой садовой воришкой: даже самого Пушка могла за пояс заткнуть. Именно из-за нее в Тайкином саду на каждой яблоньке висел охранный знак от кикимор.

– Надо – значит, сделаю.

– Твое волшебство совсем другое, – вздохнул Гриня, – более... волшебное, что ли.

Закивали все, кроме Яромира. Тот задумчиво погладил своего симаргла, а потом вдруг спросил:

– А жив ли еще болотник Мокша? Слыхал я, будто бы он нашёл приют здесь, среди смертных.

Гриня поскреб в затылке:

– Да, есть тут такой. Тока он не простой болотник, а хозяин болот. Кичливый, ни с кем знаться не хочет.

– Стало быть, добился своего, – хмыкнул Яромир. – Надо же!

– А чем этот Мокша может помочь? – его имя Тайка услышала впервые: похоже, хозяин болот на новую ведьму-хранительницу посмотреть не пришел и себя показать не захотел.

– Ничем, – леший махнул рукой. – Пошлет он тебя... далече.

Яромир покачал головой.

– Если кто и в силах с этой стороны взглянуть да разобраться, то только он. Мокша очень стар и хитёр. Его сослали еще по указу отца нынешнего царя. – Завидев недоумение в глазах окружающих, дивий воин нахмурился: – Вы хоть знаете, что дупла не первый раз закрываются?

Все взгляды обратились к нему. Кажется, это было новостью не только для Тайки.

– Тогда слушайте, – Яромир говорил негромко, но каждое его слово было отчетливо слышно. – В стародавние времена, когда никто из нас с вами еще не родился на свет, дивьи люди узнали про волшебный край, где живут смертные. Многих, как и ныне, влекли местные чудеса. Легенды о Дивнозёрье рассказывали нашим детям, а люди, наоборот, придумывали сказки о нас. Все соблюдали законы и жили в мире, а если и случались недоразумения, с виновниками разбирались быстро. Те дни по сию пору называют золотыми. Но потом на Дивье царство напал Кощей Бессмертный. Эта кровопролитная война началась, когда мои отец с матерью были детьми, а закончилась, когда я ещё под стол пешком ходил. Многие дивьи люди сложили головы в те чёрные дни, но однажды удача улыбнулась нам: Кощей пал от руки богатыря Ивана, который был родом из Дивнозёрья.

Он замолчал, чтобы перевести дух, и Никифор услужливо подвинул ему кружку с квасом. Промочив горло, Яромир продолжил:

– После Кощейевой смерти все обрадовались, думали – наконец-то заживём. Но счастье было недолгим: случилась новая беда и новая война. Лютогор, сын Кощея, оказался ничуть не лучше отца. Это он запер все ходы и выходы, а в Дивьем царстве воцарилась вечная зима... Кхм. Впрочем, к вязовым дуплам она отношения не имеет. Главное, что время в разных мирах течёт не одинаково. У нас, может, дюжина лет минула, а у вас – больше века. И когда вязовые дупла вновь открылись, оказалось, что людская память очень коротка. Смертные больше не верили в чудеса, мир изменился, законы были забыты...

– Помню-помню сказки о золотых деньках... – кивнул Гриня.

Раздались возгласы:

– И я!

– И я тоже!

И лишь Никифор усмехнулся в усы:

– Эх, молодежь! Я вот знал, что это все не сказки.

– Может, тогда откроешь секрет, отчего дупла сейчас закрылись? – Майя дрожащими пальцами перебирала свои многочисленные браслеты.

– Неужели опять война? – ахнул домовый.

– Всё может быть, – вздохнул Яромир. – Но я это вот к чему веду: Мокша застал золотые дни. И если он жив по сию пору, значит, колдовать не разучился.

– Только он у нас сам по себе, – Гриня утер вспотевший лоб рукавом рубахи. – Уж я ходил к нему на поклон с дюжину лет назад, корзинку лягух принес, грибочков отборных, шишки

самые лучшие... не взял. Грит, хоть вы и местные, а все одно не верю. А вдруг вы Ратиборовы прихвостни?

– Тогда я к нему пойду! – Тайка вскочила, ее темные глаза горели решимостью. – Уж я-то точно не за царя.

– А сама недавно дивьей царевной называлась, – усмехнулся Яромир.

– И что? Я вашего Ратибора в глаза не видела, знать не знаю. А про Радосвета только бабушкины рассказы слышала. И вообще, не нравится – сам иди!

– Я бы пошёл, если бы не был уверен, что только испорчу дело. Мне Мокша точно не поверит. А силой его помочь не заставишь. Утечёт, как вода сквозь пальцы.

– Тогда решено. Я ведьма-хранительница, стало быть, мне и идти. Гриня, где живет этот ваш хозяин болот?

– Знамо где – в трясине. Ты уж там поосторожнее, ведьмушка.

– С ума сошли? Мою Таюшку-хозяюшку на верную погибель посылать! – Одинокый возглас Никифора потонул в одобрительном гуле.

Тайка даже нос задрала: значит, верят ей Дивнозёрские! А с Никифора что взять? Он её в люльке качал, значит, всегда будет считать маленькой.

Мавка Майя тронула Тайку за плечо:

– До границы я тебя провожу и направление укажу, а дальше ты уж как-нибудь сама. Никто из нас не ходит в Мокшины топи, дабы не сердить Хозяина болот. Он только с Водяным водится, потому что оба в тавлеи любят играть.

– Так, может, и мне с ним сыграть. Только я в тавлеи не умею, могу нарды захватить.

– Не советую. Обманет. Лучше принеси подарков хороших.

– Отличный план! Я соберу дары: малинки там, яблочек, – Пушок взмахнул крыльями и вылетел в раскрытое окно. Даже не попытался напроситься за компанию.

Вот тут-то Тайке впервые стало не по себе. Ведь прежде коловерща от приключений не отлынивал, даже против оборотня готов был пойти, а тут вдруг струсил. Но отступить было поздно: все Дивнозёрье надеялось на нее.

Беспокойные гости разбрелись по домам, лесам, рекам и озерам; последней скрылась в садовых кустах кикимора Кира. А Яромир остался сидеть.

– Чего ждешь? – насупилась Тайка.

Ей было досадно, что дивий воин не пожелал идти к Мокше. Отмазался, так сказать. А ещё воевода...

– А куда мне идти? – Яромир поправил плед на старом бабкином диванчике. – Лучше подожду тебя здесь.

– Нет уж! Ты раньше в заброшенном доме жил? Вот и иди туда. Марьянка только рада будет.

– Тяжко мне с ней, – Яромир со вздохом опустил глаза. Ему было явно неловко. – Болтает без умолку, спасу нет.

– Ничего, авось до смерти не уболтает.

Еще не хватало, чтобы этот дивий наглец тут распоряжался, пока ее не будет!

Тот, впрочем, упорствовать не стал:

– Будь по-твоему, дивья царевна... Скажи, а ты ведь сохранила перо из крыла моего ситаргла?

– Угу, – нехотя призналась Тайка.

Перышко, оставшееся с той памятной ночи, она хранила под подушкой, как чудесную памятку о встрече.

– Возьми его с собой. Если попадешь в беду, брось на ветер и позови Вьюжку.

– Его зовут Вьюжка? Вот этого собакена здоровенного? – Тайка, не удержавшись, хихикнула, а Яромир покраснел:

– Это сестрица Радмила придумала. Я вообще-то хотел Буяном назвать. Благородное имя. Ума не приложу, почему ему не понравилось?

Его оправдания Тайку развеселили, она вдруг поняла, что больше не сердится.

– Ужинать будешь?

– А что у тебя сегодня на ужин?

– Ишь ты, ещё и переборчивый. Макароны с сосисками.

– Тогда буду, – улыбнулся Яромир. – Очень интересно ваши кушанья чудесные попробовать.

Тайка снова хихикнула: сосиски ему чудесные, придумает тоже! Но в следующий миг посерьёзнев, спросила:

– А ты думаешь, перо может реально пригодиться? Этот Мокша правда такой опасный?

– Хотел бы я успокоить тебя, дивья царевна, да не могу. Болотник самому Кощею служил, девиц для него воровал. Потом впал в немилость да на нашу сторону переметнулся. Кощей его в лягушку превратил, заставив скакать от самой Нави до Дивьего царства, представляешь?

– А это далеко? – Тайка присела напротив, подперев подбородок обеими руками. Слушать про волшебный край было очень интересно.

– Да, путь неблизкий.

– А за что ваш царь Мокшу сослал?

– В двурушничестве заподозрил. Вроде как он и нашим, и вашим служит, но на самом деле – лишь самому себе. Так что держи ухо востро. И гляди в оба, чтобы не украл тебя хозяин болот. А то утащит в трясину, и поминай как звали.

Яромир говорил вроде бы серьёзно, но в его взгляде Тайке почудилась насмешка, а в голову закралось подозрение.

– Знаешь, что я думаю? Ты нарочно меня запугиваешь.

– Думай, что хочешь, – дивий воин пожал плечами.

Ага, увиливает. А почему? Ну, конечно!

– Это такое испытание, да? Ты мог бы сам к Мокше пойти, но не идёшь, чтобы проверить, насколько я хороша как ведьма и можно ли со мной иметь дело? Ага, молчишь. Значит, угадала!

– Да не молчу я. Просто ты так тараторишь, что я слова вставить не успеваю, – улыбнулся Яромир. – У нас говорят: с большой бедой не справишься, пока маленькую не одолеешь. Так что да, дивья царевна, начни с малого.

* * *

Провожали Тайку в путь, будто на войну. Пушок притащил корзинку с яблоками и ягодами, Никифор выдал фляжку со сбитнем в дорогу, а потом самолично проверил все обереги, поцокал языком и принес с чердака еще два – для пущей уверенности (один из них был загоровен на удачу в рыбалке, но Тайка все равно взяла). Гриня вручил ей собственноручно вырезанную еловую палку с наветрием из корня, чтобы сподручнее было по болотам ходить. Даже кикимора Кира поделилась пуховым платком, с которым никогда не расставалась: мол, ночи на болотах холодные, а сестрицы-трясовицы только того и ждут, чтобы на человека лихорадку напустить.

Сама Тайка взяла серебряный ножик, соль и спички, веревку покрепче, всякие ведьминские мелочи и перо симаргла, конечно же. Уже у калитки Майя всунула ей в руки зеркальце:

– Если будет гневаться хозяин болот, покажи ему это.

Тайка глянула на свое отражение и ахнула: вот как должна дивья царевна выглядеть! Платье парчовое, жемчугом шитое, на груди камня самоцветные, золотой обруч блестит-переливается, а косы... косы в руку толщиной!

– Ух ты, волшебное!

– Да ну, обычное, – отмахнулась мавка. – Показывает чепуху всякую. Мокша его потерял, а я нашла. Не хотела отдавать, но ради общего блага... полюбовалась красой, и хватит.

– Ну что ты, Майя! Ты и так хороша собой.

Она вздохнула:

– Хороша девица, да не всякому годится. Но не о том речь. Лучше запомни: Мокша будет запугивать – не поддавайся. Ему по душе дерзкие да смелые. Но не перегни палку – подходи с уважением. Не вздумай равнять его с простыми болотниками – он у себя в краю если не царь, то князь уж точно. Оттого-то и его подданные нос задирают. А теперь еще больше будут задаваться, коль все колдовство у них копится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.